

Бахтияр
ВАГАБЗАДЕ

ГЯНДЖЛИК
БАКУ
1981

Бахтияр ВАГАБЗАДЕ

Рука в руке

СТИХИ И ПОЭМЫ

1-502038

М. Ф. Ахундов эл.
Азәрб. Республ.
КИТАПХАНАСЫ

ГЯНДЖЛИК
БАКУ
1981

с(1) + В
Аз2
В27

Редактор:

Сиявуш Мамедзаде

Бахтияр Вагабзаде,
В27 Рука в руке. Гянджлик, Баку, 1981.

В 70803
М653(12)—81 99—81 4702060000

Аз2

© «ГЯНДЖЛИК» 1981

Печатается по книгам «Здравствуй Заря» (Баку, Язычы, 1979), «Осенние раздумья» (Баку. Язычы, 1981).

СЛОВО О ПОЭТЕ

Порой, когда одну за другой видишь ухмылки, а не улыбки, когда на первый план вылезает тупое самодовольство, закрывая собой кричащую застенчивость страданий, то может показаться, что никто ни во что не верит. Но этот обобщающий пессимизм так же обманчив, как и обобщающий оптимизм. Реальность — в противоборстве веры и безверия, чистоты и грязи. Простые, почти фольклорные строки Бахтияра Вагабзаде полны двусмысленного понимания жизни:

Кто-то верит, кто-то нет.

Видно, так устроен свет.

Я слышал, как читает свои стихи Бахтияр, и как восторженно внимают им азербайджанские слушатели. Для русского уха азербайджанский язык, даже в момент выражения гнева и презрения, кажется мягким. В самой фонетике заложена вкрадчивая певучесть. Когда слушаешь Бахтияра, не понимая языка, его стихи кажутся сладковатыми. При чтении подстрочников ощущаешь скрывающуюся за красотой языка горечь. Как азербайджанский гранат — пьешь сок — сладко, проглотить вместе с соком кусочек внутренних перегородок — горько. Рядом с очаровательными строками о причине смеха ребенка:

Чему, чему он засмеялся:

земле или небесам?

Мудрец ответить попытался

и рассмеялся сам.

есть и другое — саркастически ядовитое:

и воздух в себя принимаем по капле,
как будто таблетки, что выписал врач.

Резкая самоирония сменяет традиционное воспеание красот природы:

Мы поссорились снова... И как!
Торопливо надел я пиджак.
Респектабельно выгляжу в нем,
но повешен в себе я самом.

В прошлом году в Баку после ознакомления с подстрочными переводами стихотворений этого замечательного поэта, я понял одну истину, что поэзия у него в крови. Он не плавает на поверхности — он погружается в глубинные пласты человеческих чувств.

В просьбе к художнику «Нарисуй меня мною!» Вагабзаде раскрывает именно тот метод отображения действительности, который наиболее близок ему самому. Зарубежное стихотворение, где есть строчки: «Но горько мне было услышать тогда, что родины сытость дороже», наводит на мысль, что иные и внутри родины живут по этому принципу нравственной эмиграции.

Прекрасное стихотворение, посвященное памяти дочери своего товарища и соседа — Алиага Кюрчайлы написано на тонкой грани между бестактной правоучительностью и реквиемом, но эту грань нигде не пересекает. Тяжело полемизировать с девушкой, покончившей с собой от горя после смерти отца. Но Вагабзаде находит точные трагические строки:

Мы оправдали бы тебя, быть может
Когда бы воскресила ты отца.

И все-таки по сравнению с теми, кто «гнушаются своими корнями», Улькер — героиня в своей любви к отцу. «Продлила жизнь короткую Улькер». Видно, такова была сила горя самого Вагабзаде и по поводу первой смерти, и второй, что само его

горе написало это стихотворение, где поэт ни разу не оскорбился на чрезмерной красивости, или дидактике. Редкое по пронзительности стихотворение.

Книга Вагабзаде, несмотря на далеко неравноценные переводы, как это, впрочем, всегда бывает, все-таки состоялась и на русском языке. Ясно, что перед нами незаурядный поэт. А это не так часто бывает и на родном языке. Хочу закончить невольным экспромтом:

Гранат азербайджанский, как награда
сладчайшим соком за горчайший стих.
Перегородки тонкие граната
горчат, но сладких зерен нет без них.

Евг. Евтушенко

Р О Д И Н Е

Мой дом,
моя родина,
клятва и слава,
вручила ты мне на любовь к тебе право.
И встал я над миром,
и понят был веком,
и сам я себя осознал человеком.
Когда я вошел в твою радость и горе —
святыню обрел в человеческом море.
В тебе разглядел я твое отражение,
и было счастливым лица выражение.
И понял я тех,
кто для блага Отчизны
Щадить не сумел бы единственной жизни.
Я понял, что значит:
величие,
сила,
на чем для тебя их судьба замесила.
Я понял,
за что тебя травит бесчестье,

по честных сынов твоих столько! —

не счесть их.

Я понял, что лишь не трусливым, не слабым
любовь ты даруешь свою, даришь славу.

Но слава моя — это ты,

и любовью

я лишь за любовь и отмечен тобою.

Мы любим взаимно,

но — вместо итога:

любовь моя —

больше,

хотя б на немного...

ДУМЫ В ПУТИ

Все едем и едем...

Резины, металла

жалеть не желаем,

терзаем рули...

Но, как человек, и машина устала.

Довольно!

Пусть ноги коснутся земли.

Колеса в движение,

душа в напряженье,

глаза что-то ищут,

в далекой дали...

Но вот отступило,
что сердце томило, —
так хватит!
Пусть ноги коснутся земли.

Из белых истоптанных троп ожерелье —
на шее горы, что висит надо мной...
Мы души свои, наконец, отогрели
живой красотою природы родной!

Бывает, что сердце так ранено словом,
что все изболится, обиду тая,
и тянет его к первозданным основам
всего человеческого бытия.

Не в людях оно, хоть и сильное, вроде,
стремится найти утешенье свое, —
сбегает на вольную волю, к природе,
себя обретая на лоне ее.

Любуемся речкой, дорогою, садом,
и сами — лишь часть мы раздолий родных.
Ты, город, вопросов нам множество задал, —
поможет природа ответить на них.

И ветер погладит прохладно, утешно,
и в музыку птицы сольют голоса,
и глянет с цветов утешающе нежно
прозрачным, сверкающим взглядом роса...

Порой остается добро без награды,
и ложью становится то, чем клялись, —
стараясь забыть лицемерные взгляды,
смотрю на глазастый по-детски нарцисс.

Смотрю я на зубчато-острые скалы,
забыв об оскале знакомых зубов,
и душу, что стужи не раз обжигали,
безбрежной земли согревает любовь.

Смотрю, как над пропастью камни нависли,
не помня о брошенных под ноги мне,
«забудь» — говорят непокорные выси
о вьях, покорных всегда и вполне.

Родная природа, я — часть твоей плоти,
я все-таки сын твой, какой-никакой...
Так дай отдохнуть моей вечной заботе,
Как мать, приласкай меня и успокой!

И ветер погладит прохладно, утешно,
и в музыку птицы сольют голоса,
и глянет с цветов утешающе нежно
прозрачным, сверкающим взглядом роса...

И сердце растет и становится больше,
в большие просторы стремя свой полет.
Поют ему птицы, и шепчешь ты: «Пой же!» —
усталому сердцу, и сердце поет.

Виденье зловещее
атомной бомбы
страшнее инфарктов
нам души гнетет!

...Покинув машину, выходим на волю,
Травинки ступни наши нежные колют,
ступаем на землю, в нее влюблены.
и уши звенят от сквозной тишины.

Дышу, — и во мне что-то тяжкое тает.
Забыл я все хвори, томленье, тоску,
Мне в городе этого так не хватает,
как я ни люблю наш прекрасный Баку!

И кажется, с неба на землю струится
какой-то особенный, трепетный свет.
И думаю: синее небо... и птицы...
И ясно, что здесь радиации нет...

Но что это? Вроде, я стал задыхаться.
И вспомнил, в какое я время живу.
Проклятие атомных бомб, радиаций —
все это — не сон, это все наяву.

Вот бомбы недавно потеряны были,
и тайну сокрыли гренландские льды,
Взвиваются тучи губительной пыли,
цветы опалая дыханьем беды.

Тревожные лица встают перед взором,
и, кажется, близкою тенью кружа,
вползает отравы в тот воздух, которым
невидимо дышит живая душа.

Мой товарищ — художник творит мой портрет.
Я и сам,

как картина, —
напротив.

Он глядит на меня, будто здесь меня нет,
то черкнет, то сотрет, что напортил.

Нет, не сходство одно передать на глазок
мастер умными жаждет руками:
я сейчас для него —

словно камня кусок,
хочет жизнь он вдохнуть в этот камень.

Я завидую пылу чужого огня,
ощущаю кипучую душу...

Ну, а я-то сейчас, —

, кто же я?

Нет меня!

Я — очаг, безнадежно потухший.

Ах, коллега, пусть даже портрет будет мил
в представленье твоём о прекрасном,
ты, художник, натуру свою омертвил
своим взглядом пристрастным и властным.

Цепенею под ним и бездумно молчу.
Даже время застыло, как будто.
Стой, художник! —
тебе бессловесно кричу
я в порыве внезапного бунта.

Если думать и чувствовать нам не дано,
если праздна душа —

жизнь ли это?

Жизнь ли то, что наносишь ты на полотно?
Отвечай!

Ну, а лучше ответа —

о, художник, скорее отбрось свою кисть,
всей душою собой недоволен,
от портрета бессмысленного отрекись,
от лица, где ни страсти, ни боли!

Нарисуй —

когда двигаюсь,

мыслю,

горю,

когда жизнь не идет стороною,

сотвори мой портрет,
где я тоже творю,
нарисуй,
нарисуй меня мною!

ДВОРЕЦ И ЛАЧУГА

Л. В. Корнилову

Лачуга... Скрип прогнувшегося крыльца.
Здесь вырос несравненный Фатали.
Рождаются великие сердца
подчас не там, где все б им дать могли.

Из той лачуги темной яркий свет
всем засиял в округе в добрый час.
Загадки в этом, впрочем, тоже нет:
свет мысли мраком был рожден не раз.,

С лачугой рядом — диво, красота —
стоял дворец, и — странно! — от него
одна лишь растекалась темнота,
какое бы ни шло в нем торжество.

Был хан — богач, а Фатали — мудрец,
грядущему, что виделось едва,
оставил хан роскошный свой дворец,
а Фатали — бесценные слова.

Дворец... Но ханским назову ль дворцом
шедевр, что создан мастером-творцом?

Да, время, небыль превращая в быть,
порою нам в глаза пускает пыль.

Хан только деньги дал и камни дал,
а мастер вдохновенно созидал.
Заказчику внимал он, не спеша,
но вот работал — как велит душа.

О, мастера моей родной земли,
что светлые чертоги возвели!
Как часто и рождались, и росли
вы в нищете лачуг, как Фатали...

Мы поссорились снова... — И как!
Торопливо надел я пиджак.
Респектабельно выгляжу в нем,
но повешен в себе я самом.
Все казалось, разлука легка
и зависит лишь от пиджака:
стоит руки продеть в рукава —
на меня потеряешь права.
Вот как просто!

...Но свет мне не мил,
возле ручки дверной я застыл, —
я на ране сердечной стою
и любовь вопрошаю свою:

для чего быть решительным тщусь?
Все равно ведь сюда возвращусь,
приплетусь, как бывало, чтоб вновь
искушать этим нашу любовь.
Как могла ты, ни в чем не вина,
лишь в любви заподозрить меня?
Это ненависть в душу вползла
и открыла дорогу для зла,
это душу безумную зло
от тебя, от любви увело.
Но любой мой приход, мой возврат
перечеркивал время утрат,
был любовью он, радостью был,
был он мощью того, кто любил.

Я судьбу свою сам раздробил
на две части: любил, не любил...
И борьба день и ночь напролет
меж рассудком и чувством идет.
Насовсем я и мог бы придти,
но мучительно знать мне, — прости! —
что, коль чувством тебя обрету,
будет ум ощущать пустоту.

Вот здесь, по эту сторону Аракса
жил мой отец, жил дед, живу и я.
Но по законам сердца, крови, братства
тот берег — тоже родина моя.
Она пребудет, как была, бесценной.
Я ей принадлежу, ее пою.
Я никогда ее не видел целой,
раздвоенную родину мою.
Лети, моя восторженная ласка!
Моя неуголимая печаль,
струись, смешавшись с водами Аракса,
и к берегу далекому причаль.
Давным-давно на родину с чужбины
смотрел грустящим взором Физули.
А я...
Взираю с родины любимой
на родину,
которая вдали.

Всегда, когда я на тебя смотрю,
такую, как и все другие, вроде,
себе — «какое чудо!» — говорю
и поражаюсь матери-природе.

Ни одного изъяна не найду.
Жалка любая рядом и бездарна.
Но не себе — на радость и беду, —
природе ты должна быть благодарна.

Есть красоты великий, дивный дар.
Одновременно этот дар — и бремя.
От опьянения красотой угар,
и красоту в свой срок унесит время...

Богатство — то лишь в жизни не на миг,
чего ты сам достиг, что сам постиг!

Слова «дружба» не произноси! —
коль слова мои превратно понял,
коль меня купаешь ты в грязи
речи сладкой и с изнанки подлой.

В жизни нам то легче, то трудней,
дни не все подобны фейерверку.
Верный друг моих хороших дней,
ты бедой не выдержал проверку

«Я хочу такую веру, чтоб можно было
голову сложить за нее».

Бехджет Кямал Чаглар

Ты говоришь, что в сердце у поэта
нет веры, —

только я не верю в это! —
что ищет веру, — говоришь, — поэт...

Но нет поэта,
если веры нет.

Друг друга без конца в душе поэта
сменяют жизнь и смерть,
зима и лето,

в ней холод леденит
и жар горит, —

но как без веры он заговорит?!

Быть может, продана твоя отчизна,
и жизнь твоя —

по ней, любимой, тризна?

Но разве нет всеильной, чистой веры
и в скорби этой, горестной без меры?

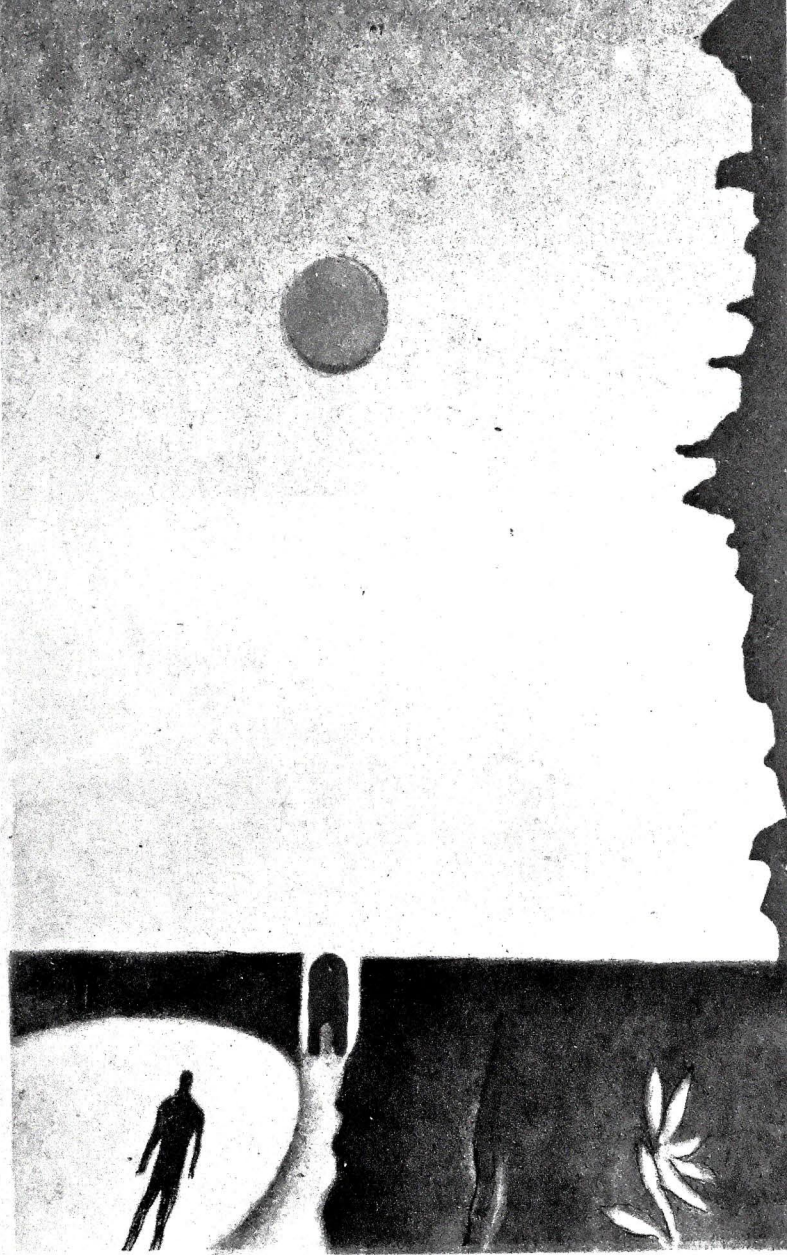
Сталь не согнешь,
а гнется —

сталь ли это?

Без родины

на свете нет поэта!

Коль родина твоя в руках чужих,

что помешает ей войти в твой стих?

Она —

в тебе,

в мечте твоей крылатой,

и, веруя в нее, найдешь себя ты.

Пускай за веру жертвою падут

стихи мои,

и в этом честь найдут.

Пусть пьют из родника высоких чувств!

Я этому и сам у них учусь.

Стихи мои,

вы — должники идеи,

в которой смысл того,

что — для людей я.

Вы — честь,

вы — совесть,

вы, по сути — я,

вы — вера нерушимая моя!

ВОСХОД — ЗАКАТ

Когда под утро, на восходе

ночная тьма уходит прочь,

так еще сумрачно, что, вроде,

закат несет планету в ночь.

Перед закатом — сумрак тот же,

что к утренней заре приник...

Прощаясь с ночью, день итожа,
молчит природа долгий миг.

В тот миг угадка невозможна,
ночь наступает или день...
Молчит природа, и тревожно
безвременья струится тень.

Кто обретает, кто теряет
неясно в тишине, когда
все, что уходит, поверяет
себя идущему сюда.

Молчит природа, чувства прячет
в мгновенья встречи ночи с днем,
хоть, может, уходящий плачет,
входящий — слезы льет о нем.

Быть согладатаем при этом
ей тягостно не потому,
что тьма мешается со светом, —
что разлучают свет и тьму.

ДВИЖЕНЬЕ

Поток, ты в мой ворвался сон,
под тихий свод ночного крова.
Ты — словно сердца долгий стон,
что ищет отклика живого.

О чем ты? — силюсь я понять,
что в нем, в протяжном этом стоне?
Мне днем никак тебе не внять,
твой голос в сотнях звуков тонет.

Высокогорные дары —
в твоей бушующей стремнине.
Поток, ты — как рука горы,
протянутая вниз, к равнине.

И в ночь,

и в день,
весной,
зимой

летишь — как будто бы в сраженье.

Движенье всюду: и в земной
коре, и в небесах — движенье.

Мгновенья, месяцы, года,
студеность вьюги, зноя жженье,
от деда — к правнуку —

всегда,

езде, во всем оно, —
движенье!

Вершу движение свое
и я...

И жизнь без пораженья
из бытия в небытие —
и в бытие —
вершит движенье!

РАЗГОВОР О ХЛЕБЕ НА ЧУЖБИНЕ

Мне душу один разговор истерзал,
и помню его я донине.
Рабочий из Турции вот что сказал
мне в Западном как-то, Берлине:
«Домой возвратиться?
Мой дом — жалкий хлев.
Тащить туда тощее тело?
Где сыт, там и родина!
Сытный здесь хлеб,
и нечего дома мне делать!»

Он так хохотал, что на миг я оглох,
стал, как от пощечины, красным.
Да, хлеб здесь, конечно, довольно неплох,
затак не дают его праздным.
Я знаю, что хлеб этот стоит труда,
и труд уважаю я тоже...
Но горько мне было услышать тогда,
что родины
сытость дороже!
Как много на этом сломалось судеб,
разбилось, распалось на части.
Ты хлеб здесь имеешь...
Но счастье — не хлеб,
Не в хлебе,
а в родине — счастье!

Кто горькие слезы, —
скажи, —
ей утрет,
согреет своею любовью?
Там, дома душою болеет народ.
Не стало твоей это болью!
Твой прадед и дед покидали ее
в минуты беды и ненастья?
Ты хлеб здесь нашел...
Это — счастье твое?
Быть вместе с народом, —
вот счастье!

Когда б ты посмел бросить родины честь
собаке дворовой бесстыже,
собака — и та устыдилась бы есть
то блюдо ужасное!
Ты же...
Жуешь честь отчизны, как будто траву,
тебе — было б брюхо набито!
К тебе я взываю,
тебя я зову, —
простится отчизной обида,
вернись!
А не хочешь —
тебя проклянут
земля твоя, воздух с водою
за то, что был сыт, и одет, и обут,
когда они знали с бедою.

«Где сѣт, там и родина...»

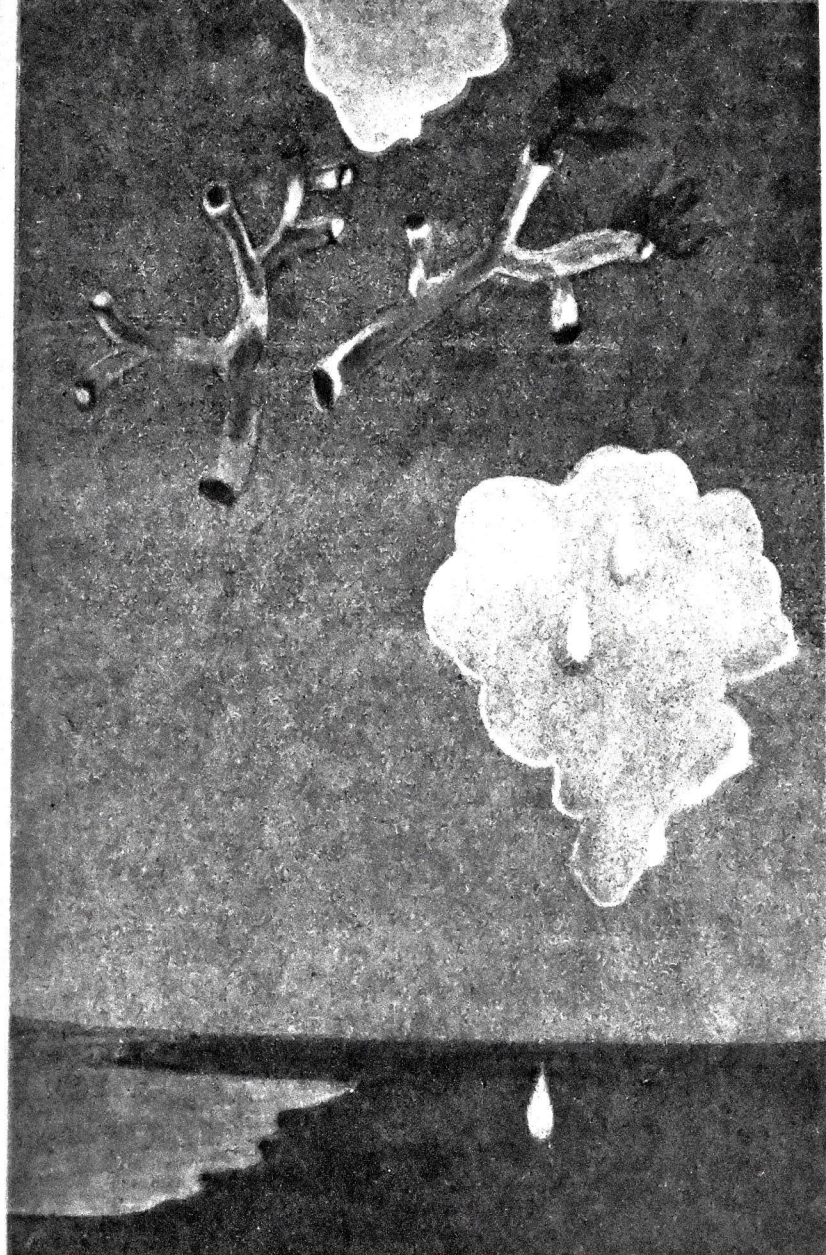
Хлеба кусок
стал платой за край твой за отчий.
Останешься ты, если не без усов,
то без бороды, между прочим...

Где сердце твое? — говорю я, хотя —
нег сердца, истлело! — я знаю,
Лишенное матери, злое дитя,
опомнись, тебя заклинаю!

Ты все колыбельные детства забыл,
что слышал под кровом родимым.
Ты жиром от сытого хлеба заплыл...
Мы живы не хлебом единым!

Стоит гора. Такая высота!
Иди, и о дороге позабуди:
тебя к вершине приведет мечта,
коль ты из сердца начинаешь путь.

ЛЕГЕНДА ОБ УЛЬКЕР

Памяти дочери поэта
Алиаги Кюрчайлы, посягнувшей
на свою жизнь после смерти отца.

Миг потрясения сердца не царапнул,
а сжег...

Беда, упавшая с небес,
всю жизнь сожгла,
как молния внезапно
обрушившись, сжигает целый лес.

Коль есть всему цена, то где, какая?
Беду ты сотворила из беды.
Не воскресила ты отца, толкая
Себя в петлю холодную воды!

В воде сгорев, отвергла все на свете,
устав от чьей-то сытой суеты.
Отец не разрешил бы этой смерти!
Кому себя пожертвовала ты?

Ты думала — что он тебе предложит
Мир без отца — лишь муки без конца?
Мы оправдали бы тебя, быть может,
Когда бы воскресила ты отца...

Во имя жизни умереть — вот подвиг,
а ты во имя смерти умерла,

но мало кто себя до бездны поднял,
как ты себя предсмертно подняла!

И ты, водой, как саваном, оделась
чиста перед лицом небытия.
Твоя такая гибельная смелость,
меня перевернула, дочь моя.
Те жалки, кто гнушаются корнями
и нежатся в тени своих отцов...
Ты, дочь моя, возносишься над нами
до мужества, свободного от слов.
Отец твой пел и думал не бесследно,
и Родина услышала певца.
Ты не стихами, а своею смертью
возвысилась до уровня отца.
Кто знает цену радости последней?
Никто! У жизни нет весов и мер,
но жизнь отдав отцу, как дар посмертный,
продлила жизнь короткую Улькер...

КОЗЕЛ — ВОЖАК

Над стадом пыль взлетает
прямо к богу!
Козел-вожак, воинственно рогат,
покашливая важно всю дорогу,
на пастбище ведет, ягнят.

Пастух-бедняга за своей отарой
бежит вдогонку...

Что ж, беги, беги!
Там, где ведет козел,
хромой и старый,
нет для овец доверчивых беды.
В глазах отары выглядит геройски
ее вожак с репьями на груди.
Отара мне напоминает войско
с плешивым полководцем впереди.
Все пропасти обходит стороною
козел,

идя по ровному пути.
Все овцы целы за его спиною,
и могут мирно к пастбищу дойти.
Но вот что странно —

возле скотобойни
козел хитрит

как будто ни при чем.
В горах овец спасавший так достойно,
становится он ловким палачом.
Там кровью пахнет...

Овцы, жалко бляя,
вдруг пятятся...

Смятение в рядах..
Козел идет вперед,
и вдруг правее
сворачивает,
всех других предав.

Вожак-предатель,
с гордостью идущий,
в горах — герой
а вот внизу — не тот.
Козел,
овец на пастбище ведущий,
на скотобойне их на смерть ведет.

ЗАМОК

Ревнуешь ты
ко всем,
и ко всему!
Подозреваешь ты
на всякий случай.
К чему такая ревность —
не пойму.
Ты ни себя
и ни меня не мучай! —
— Но я люблю...
Да, ревность велика,
но в ней — любовь...
Грех — ревности пугаться!
Сама огромность
тяжкого замка
всегда
лишь от огромности богатства... —

ИЗМЕРЕНИЕ

Стоит месяцев двухсот
Двух бровей твоих разлст.
День иной дороже года,
Дня иной не стоит год.

(Из народных баяты).

За десять жизней не отдам одну,
Познавшую большую в глубину,
Короткую, но видевшую бездны.
Не говори о сроках наперед!
Пока сквозь сердце время не пройдет,
Его цена и мера неизвестны.

Неужто день и вправду равен дню?
Кто измерял неделю неделю?
Рассвет я утром звать повременю...
Так чем же день итожится на деле?

Ночь... Время совершает свой обход.
Вошло в дома, и тенью не колыша...
Вот — два жилища под единой крышей,
В одном из них старуха сына ждет...
И матери бессонные тревоги
Туманные осыпали дороги.

«Вернется он... Вернется... погода...»
А за окном немолчный шум дождя...

И каждый шорох старую тревожит,
Сомнений рой седое сердце гложет.

«А может... Что-то с ним произошло?»
Задумалась. Вдыхает тяжело...
«Что говорю?! Отсохнит мой язык,
Еще беду накличет злой язык!»

Летит воображение, как птица,
В неведомый пугающий простор,
И на часах остановился взор,
И время еле-еле волочится.
Ночь тянется, не иссякая, словно
Похитила живое время дня.
Конечно, это ночь во всем виновна...
«Изводит ожидание меня...

Скорей бы рассвело... Скорей бы день
Рассеял дум безжалостную тень!..
А за стеной —
двух любящих умчали
Течения и валы мечты одной.

Все годы ожидания и печали
Исчезли под бурлящей быстринной.
И просквозивший тишину, как тайна,
Признаний шепот — с ночью заодно.
И ночь собой гордится неслучайно —
Соединить два сердца ей дано!

Но, отстранив забывшиеся руки,
Вдруг девушка очнулась, говоря:
«Вставай, любимый! Пробил час разлуки!
Как быстро разбудила нас зоря!»

...В одном жилище — бремя ожидания
Медлительному времени волочь.
В другом же — время радостью свиданья
Подстегнуто, и вскачь промчалась ночь.

Так пусть себе мгновений вереница
Находит меру, свой направив ход!
Бывает день, что дольше года длится,
Короче дня порой бывает год.

ТОСКА ПО ВЕСНЕ

Я проклинал и дождь и холод вьюг.
И по весне скучал, томясь от стужи,
Но почки на ветвях заметил вдруг,
Нагнулся — и фиалку обнаружил.

И кинулся к столу...
Уже давно
Я не писал... И чувства были немы.

Дверь затворив, завесивши окно,
Услышал я дыханье вечной темы.

И написал:

«Привет тебе, весна!

Приди, приди, как строчек вереница,
Душа, твоим дыханием полна,
Тебе поможет в песню перелиться!»

Тут стих затих...

И, рифмы вороша,
Я зря старался — не добился дела.
Душа молчит, не двинулась душа,
И песней стать

весна не захотела.

Вдруг соловья роскошная рулада,
Переливаясь, донеслась из сада,
К весне взывая, чью любовь привлек
Еще не распутившийся цветок,
Я таю от мелодии палящей...
Закрыв тетрадь...

Стою в садовой чаще...

И сеется весна зерно к зерну,
И почками все ветки запестрели.
И чудится, что в сердце мне весну
Просыпал сумрак соловьиной трели.

Что значит соловья влюбленный пыл,
Что он томящей песнью нам внушил,
Какой напев нечаянно им начат?
Цветы он славит иль грустит по ним?..
Не воспевают соловей — он плачет,
И нас терзает, мукою палим.

Оставь перо, душа моя, постой!
Тревожит боль — но прихоть сладкогласна.

Беспламенная песня — звук пустой,
Ничьей души зажечь ей не удастся.

Какую память о весне верну
Глухому безучастью очевидца?
Затем, чтоб слово обратить в весну,
В тоску по ней я должен превратиться.

КРЕПИСЬ, МОЕ СЕРДЦЕ

Любовь моя стала седой... Ну, и что же,
Ведь слезы в ее не иссякли очах.
Старею, но верность моя все моложе.
Все тверже,
И пламень былой не зачах.

Любовь не стареет,
душа не устала,
Хоть все, кто любви обретал благодать.
Под ревности дудку плясали, бывало,
Чтоб сетовать горько, и слезно страдать.

Крепись, мое сердце! Терпенье — спасенье.
Коль дерево стужей прожгло до корней,

Ему не воскреснуть порою весенней.
Что в жалобах проку!
Терпенье — верней!

В душе половодье бушует доньше...
Когда бы не тихие слезы ключа,
Что плачет немолчно у горной вершины,
Потоки не мчались бы в дол, хохоча.

Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ...

Я хочу летать, над страной летать,
И, хоть крыльев нет, все же на лету
Я смогу весь мир — шар земной — обнять;
Дарит мне любовь дерзкую мечту!

А любовь парит, распахнув крыла,
И душа моя силу обрела,
Жизни глубину узнаю, любя.
Так прозренья свет дарит нам любовь,
Чтобы я постиг самого себя.

Видеть я хочу только с высоты
Нынешний простор, прошлый день Земли...
Чтобы оглядеть крупные черты,
Чтобы из очей мелочи ушли.

Вслед мечте лететь, и волной молвы
Там, в грядущем дне, в звонкой вышине,
Окликать себя... Отзовитесь вы!
Мне тесна земля, дайте небо мне!

Я летать хочу — крылья по плечу,
И столетья ритм создан для высот.
В небывалый мир, в сказку полечу —
Горести мои ветром отнесет.

РУКА В РУКЕ

Вновь — благодать неповторимой встречи,
Навес... Над головою — виноград.
В густом саду цветов пылают свечи,
И бабочки порхают и парят.

Тычинки манят пьяным ароматом,
Горит роса на желтом их венце,
А лепестки в арык летят по скатам,
И капли расцветают в озерце...

На склонах солнце распустило косы,
Потоком прядей обливая луг.
И слышен утра лепет стоголосый —
Мне листья машут, словно кисти рук.

Мы — цепь одна: и бабочки и всходы,
Земля, деревья и цветок в реке.
Как хорошо, что с Матерью-Природой
Пока мы вместе, и — рука в руке.

УТЕШЕНИЕ

Поэту Гусейну Гусейнзаде
(А р и ф у)

Ты не смог мне об участии сына сказать,
Не окончил ты фразы — умолк телефон.
К свадьбе сына готовился ты, но позвать
Должен был на поминки, бедой опален.

Сына — ростом он был уж с тебя — потерял
Для того ль, чтоб с тоскою на рослых смотреть?
Неженатого сына, скорбя, потерял
Для того ль, чтоб на свадьбах печалиться впредь?

Все горит — не иссякнет пожарища пыл,
Мы бессильны пред этим неправым судом...
Для того, чтоб ветвиться, ты сына растил,
Не затем, чтоб казниться во мраке сedom.

Что сказать нам? Безжалостный рок молчалив,
И в вопросе — ответ, и в ответе — вопрос.
Сына смерти отдал ты, тоску получив,
Плоть и душу отдал — взял отчаяние слез.

Горе есть — как на дереве вспышка огня,
Дни пройдут, и ожога сотрется клеймо...
Горе есть, чей пожар в буре каждого дня
Раздувает без устали время само.

Безграничное горе огнем занялось,
Наши горести вдруг подпалив, как траву.
Рана мира болит, и пронзен я насквозь.
Как иначе? Ведь я в этом мире живу!

И какой я поэт, если друга буду
Понести, как свою, сил в душе не найду?

Я делю твое горе и спорю с ним, брат,
Хоть ничем не восполнить утрату твою.
Знаю сам, что не тебе в этой горести, брат,
Утешенье дарю, а не сына даю.

Что участие — совет не поможет ничей,
Ты под ношей ужасной от горя исчах,
Пусть подставят здесь плечи хоть сто силачей,
Все же тяжесть беды — у тебя на плечах.

Полно, брат мой!..

Отпущенных дней череду
Ты вдохни, как в детей, в народившийся стих.
Жизнь Арифа, оборванная на лету,
Пусть продолжится в песнях немолчных твоих!

ГАРА — ЗУРНА¹

Алафсару посвящаю

Вновь гогочет, хохочет гара-зурна.
Журавленок отставший
Крылами взмахнул
И нагнал свою стаю...
И радость бурна,
И во вражьих ушах —
Только хохот и гул.
Мне припомнился прашур-огуз
Из далеких веков,
Изгонявший моих незнакомых врагов...

* * *

Запоет, как бывало, гара-зурна —
В жилах кровь пробежит, словно песни струя,
Тронет пламенем сердце, огнем опалит,
И, волнуясь, заплещут степные края,
Где неслись аргмаки, сбиваясь с копыт...
Поплывут в хороводе «яллы»²
через горы умчавшихся дней

творцы,
исполины
истории славной моей,

¹ Гара-зурна («черная зурна») — один из древнейших народных музыкальных инструментов.

² Яллы — азербайджанский хороводный танец.

Здесь — хребты Ала-Дага, а там — Агры-даг,
И страна пробудилась, и — в трепете враг.
Вот Бамсы Бойрек наточил свой клинок,
Начинает свой сказ

седоглавый Союм,

И над башнями факелы он зажег.
Вьется дым алачигов¹, доносится шум.
Вот настроил свой саз достославный

Коркуд.

Грозный хан Баяндур² оседлал скакуна.
Чужеземцы-разбойники в страхе бегут
Из пределов отчизны,
Гара-зурна!
Кличем битвы рожден твой свирепый напев,
Как призыв Казан-хана, гремишь, заревев...
С обнаженным мечом шел герой на врагов!
Ты окликнешь — и разом расколется тишь.
Ты — мой голос,
Дыханье мое,
Ты гудишь,
Словно вихрь,
Что летит из-за гребня веков!

¹ Алачи — кибитки.

² Хан Баяндур — герой народного эпоса «Де-де Коркуд».

КОЛЫБЕЛЬ

Зейналу Мамедову,
другу моему

Вновь я приехал в родное селенье —
Новые улицы, дух обновления...
И в очагах баснословных времен
Новый огонь в эти дни поселен.
Мысли мои вдохновенно парят,
И новизна меня околдовала...
Все же прикован,
как прежде бывало,
К зыбке старинной
Мой пристальный взгляд.

Зыбка... Далекого детства примета,
Припоминанье младенческих дней...
Что деревянная люлька эта
Вдруг всколыхнула в душе моей?!
Некогда в ней, расписной, деревянной,
Мать засыпала под зоркой охраной,
В зыбках лежали отец мой и дед...

Мир колыбельных, мир первозданный,
Первовселенная канувших лет!
Первый мой дом и дороги начало,
Вечно взмывающий круг бытия...
Если же мать колыбель не качала,
Чуял я — стража уснула моя.

Что же дыхания матери слаще?!
Пил я его — насладиться не мог...
Первой отрадой мне был звенящий,
К люльке подвешенный погремок.

Мнилось — вокруг взлетающей зыбки
Мир и вращается легкий, и гибкий,
Целой вселенной ведь были досель —
Мать, погремушки и колыбель.

Помню: на левой моей руке —
Бусинка черная против сглаза.
Рута сухая —

да мынет зараза! —
Рядом с кораном.
Невдалеке.

В люльках всходили
Жизни побеги,
В них засыпали, грезя светло,
Наши Сабиры, Наби¹, Бабеки,
Те, кто мечом побеждали зло.

В люльках Любви благодатная сила
К нам прикоснулась лучом, как светило,
Первый урок был заучен легко:
Что за блаженство младенцу дарило
Матери теплое молоко!

¹ Г а ч а г Н а б и — легендарный народный герой.

«Я пою тебя, «лайлай»¹.
В розах нежных утопай.
Там, где роза золотая,
Сладкий сон найди, узнай!»
В душу струились слова баяты,
Музыкой речи сладостно-нежной,
Мы в колыбели испили из вешней,
Из родниковой ее чистоты.

Пели ключи,
Клокотали, кипели,
Били из теплого лона земли...
Лад обретали у колыбели
Песнь Узеира,
Стих Физули.

Песня струилась, шла водопадом.
Но сквозь туман
С музыкой речи,
с каждым ладом
В душу вливался Азербайджан.

...Вслед за мечтами мы шли по свету,
Нас разлучили дороги судьбы,
Но не забыли мы зыбку эту,
Первоначало нашей тропы.

¹ «Л а й л а й» — «баю-бай».

² Узеир Гаджибеков — выдающийся азерб. композитор.

За переменою — перемена.
Мир обрастал городами, людьми
И становился мал постепенно —
В люльках окреннувшим Насими¹.

Родину, ветер любимого края
В душу несли колыбельной струи.
Зыбка — исток... Колыбель покидая,
Миру откроем истоки свои!

КАК ВОДОПАД ГОРАХ

Не одну — все краски эти я люблю,
Не цветок — венок соцветий я люблю.
Покорить не холм, а гору я хочу,
Жить с причастностью к простору я хочу!

И заря прекрасна в небе
и закат.
Жизнь — цветник великолепий,
боль утрат...
Жизнь — арена, поле брани,
Только доблесть дорога!

¹ Перекличка со знаменитыми строками Насими:
«В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вме-
щусь».

В безмятежном океане
Разве сыщешь жемчуга?

Жаль, порою на арене
Кто-то бойкий
от боренья
Уклониться норовит...
Мол, спуститься помаленьку
Со ступеньки на ступеньку, —
Голова не заболит!

Но страдания обучали
Нас блаженству бытия.
Радость — спутница печали,
Все вместит душа твоя!

Всюду — смешанные чувства,
Без волненья сердце пусто.
Радость ищешь ты, и вдруг
С горестью столкнешься, друг!

Я своей вражды не скрою
К тем, кто холм зовет горою...
«Ладно, дайте уж свое
Как-нибудь дожить житье!» —
Поговорка лизоблуда...
«Как-нибудь!» — скажи, откуда
это слово в словаре?
«Как-нибудь!» — что это значит?

Жить так жить!..

А кто-то прячет
Лик от солнца,
Спит в норе.
Ищет верного приварка,
Безопасные места,
И не скажет он спроста,
Холодно сейчас иль жарко.

Так довольствуясь трясиной,
Всех пугая и боясь,
Чуткий выводок гусиный
Лишь расплескивает грязь...
Все погоды ждать у моря,
Сидя на своем дворе,
То дождю, то снегу вторя,
То закату, то заре...

Немы чувства, мысли плоски,
Безголосы подголоски...
Вы, холодные дельцы,
Жили, словно мертвецы,
И слонялись и шумели,
И куда-то шли без цели...
Шли вы, делая круги,
Под пустыми небесами,
Без души, и только сами
Слышали свои шаги.

Так тянулась жизнь тягуче
И, страшась расстаться с ней,
На сияющие кручи
Не погнали вы коней!
Хоть мужчинами вы слыли,
Мужества не знали вы.
Вот лежите вы в могиле —
Ни печали, ни молвы!
Были вы давно мертвы...
Коль чадил ты, чуть маяча,
Не заметят, что угас.
Похоронят и без плача
Тех, кто умер сотни раз...

Сотни чувств в одно мгновение ощути в своей груди,
Слез не сдерживай в смятеньи, смех по капле не
цеди!
Если плач из сердца рвется, будут слезы горячи.
Вдоволь пусть душа смеется, веселишься—хохочи!

Не вставая на колени,
Одолею крутосклон!
Что мне — отмели томленье,
Только в бурю я влюблен!

Пусть, накрыв цветенье луга,
Хлещет дождь и лупит вьюга,
Жизнь такая мне мила...

И не сумрак тихой кельи —
Буйный клекот и веселье
В бой летящего орла!

Ручейком бежать струистым
в цветнике я не хочу.

По земле пройти туристом
налегке я не хочу.

Водопадом быть на скалах мне милей,
Быть, как россыпь маков алых средь полей!
Океаном волноваться,
В небесах гореть звездой,
Вольным ветром в поле мчаться,
Прорасти в сердцах мечтой!

Не одну — все краски эти я люблю,
Не цветок — венок соцветий я люблю.
Покорить не холм, а гору я хочу,
Жить с причастностью к простору я хочу!

Ж А Ж Д А

Я с мечтой о вершине родился на свет,
С неотступной мечтой, что томила меня.
Жажду жить и любить, и найти свой ответ
На загадку любви и летящего дня.

От макушки до пят — весь я в этой мечте.
Пусть же будет моим этот вечный полет!
И поверив своей лучезарной звезде,
Два зрачка широко я раскрыл для красот.

Восхищенной душою тянусь я к цветку.
Недоступность его и влечет, и томит.
Что поделать! Насытиться я не могу:
У земной красоты соблазнителен вид.

Жду весны, чтобы вновь насладиться весной.
Но заботы, как шквал, захлестнули меня.
И опять не хватает минутки иной,
Чтоб взглянуть на цветение вешнего дня.

Отчего исторгается вздох из груди?
Видно, так и не жил на земле этой я.
Просто, сладостным сном утешался в пути,
Вечно жаждал глотка — у истока ручья.

СЕДИНА

У тебя я заметил седой завиток.
...И с предгорий повеяло духом осенним.
Бремя жизни... Дороги усталый итог...
Из далеких садов — птиц доносится пенье.

Седина — от любви неудачливой — боль,
И страданья, и жалобы из-за меня...
Седина, как трава, где метался огонь,
Это жажда дождя, что прольется звеня.

Седина — дней твоих журавлиный косяк,
Улетевших из жизни нерадостных дней...
Седина — это горя лихой полумрак.
Это белые нити печальных теней.

Седина — все лишенья, невзгоды твои,
Как сожженное поле великой тоски.
И несчастий — несглаженные колеи.
Как листья на ветвях — опалились виски...

О, умели в печали печаль мы украсть,
И к мечте мы мечту ревновали тогда...
И весной холода ударили не раз,
Почки чувств — распускает зима иногда...

О, как стонут мечты и как рвутся на свет!
Красок пестрых теперь неоглядный разлив.
На осенних ветрах, как печальный привет,
Стынут почки, доверчиво листья раскрыв.

Да, сродни этой осени нынче и мы.
Те ж сердца... Но метели над миром поют.
Как деревья осенние обнажены,
Так и чувства теряют окраску свою.

Мы деревьям безлистным сегодня сродни.
Покидают их птицы, вспорхнув, навсегда.
Разрослись мы! Мы нынче уже не одни!
Сотни нас проросло сквозь былые года.

Эта ветка — крива, эта — прямо растет...
И гнездо на макушке чернеет едва.
Холодает. И к осени дело идет.
Листья жухнут. Седеет моя голова.

МАСТЕР АЛИ

Посвящается Али Ахмедову —
сапожнику Бакинской филармонии,
изготавливающему специальную
обувь для танцоров.

Как мудр его язык!
Добро — его зарок!
А цель его — любовь.
Ее дела живые...
Обувщику Али
Отчизна — это бог!
А ремесло — алтарь.
Друзья — мастеровые.

Врагами мнит он тех,
В ком не играет кровь!

В сапожной будке свет
От дорогих портретов —
Сабир и Низами
Беседуют с ним вновь.
Душа его хранит
Бесценность их заветов.

Вмещает грудь его
Вселенную стихов.
Он учит петь других
Мудрейшие газели.

А ненависть его
«Ходячих мертвецов»
Как пуля, поразит,
Дошедшая до цели!

Он саз своей души
Воспламенил мечтой.
Поэзией живет,
За муз переживает.
Он шилом обувь шьет,
И острое словцо
Спесивцев и невежд,
Как шилом прошивает!

Безудержной мечтой
Простое ремесло
Возвысить он сумел.

Рука — всегда в работе,
А думы
Далеко,
За тридевять земель,
Где Лондон и Париж
В людском круговороте.

С танцорами и он
Проносится в мечтах...
И туфли, что он шьет
По сценам мира пляшут!
На языке «джанги»
Высокий их полет.
И про полет души
Движенья их расскажут.

Так за стежком — стежок,
Растет его мечта.
Отражена душа
В его игле умелой.
На сценах дальних стран
Не обувь пляшет та,
А сам парит Али,
Своим увенчан делом!

Морщины — прочь с лица,
Благословил Али
Танцора яркий дар.
И в будке этой малой

Овации гремят,
Рожденные вдали.
И слышится Али
Восторг их небывалый.

Связала дни его
Не приказная нить.
В нем, источая свет,
Горит душа живая.
И тот, кто обувь шьет,
Прославлен может быть,
Сыновний долг святой
Отчизне отдавая!

И С К

Ты по-своему права,
Тайная моя печаль,
Справедлив твой спрос иль нет,
Беспристрастен или скор...
В притязаниях любви
Нам любви самой не жаль.
Я и сам бы не смягчил
Снисхождением укор.

Все, что требуешь — твое!
Все оплатится сполна.

Иск любви неумолим,
Душу требует с меня.
Лишь тебе принадлежать,
Лишь тебе, она должна,
Отрекаясь от мечты,
И призвание кляня.

Иногда и малый холм
Может гору сокрушить,
У горы в груди миры
Сокрушаются порой.
То, чему явиться в мир,
То, чему на свете жить,
На рождение и жизнь
Прав лишается порой.

Ищешь прав... Ну что ж, законно.
Где любовь — права найдутся.
Но и, правая бесспорно,
Не спеши рубить плеча.
На суде поспешном вряд ли
Оправдания дождутся
Обвиняемые грезы,
Подсудимая мечта.

Жертвы до небес возносишь,
Ожидая возмещения.
Так, скажи — любовь ли это

Иль затмение любви?
Ну, а если хоть однажды
Взвесить все без возмущенья,
Положить мой долг на чашу,
А потом
Права твои?..

Боль моя и исцеленье!
Я люблю тебя безмерно..
Где отравы, где отрады, —
Все сплелось — не разрубить,
Так, блаженствовать и плакать
Нам положено, наверно.
И не счастье ли — спрошу я —
На земле — уметь любить?

НЕВЕСТАМ

«Пусть в качестве приданого наших
девушек-невест служит «Пятерица»
Низами»

И з м и с ь м а.

Давайте же вручать
В счастливый день —
Невестам
«Пятерицу» Низами.
Как дух творца,
Как звук его и тень,
Как вечное единство меж людьми.

О, не кривите недовольно рот,
Отцы и мамы!
В том приданом — мудрость!
В нем — наши корни.
Род наш, и народ...
А что в коврах и мебели?
Лишь — скудность!

Пусть вещи пригодятся.
В обиход
Их пустите, когда настанут сроки,
Но в тяжкий час,
И неурочный год
Вы вспомните урок творца высокий.

Та книга — пламя в очаге родном,
И дух наш,
воплотившийся в слово.
Невеста!
Если встретишься со злом,
Прочти дастан про «Доброго и Злого».

И ты поймешь: как ни лютует зло,
Но есть добро.
Оно молчит сначала.
Но в хитрости — и злу не повезло!
А справедливость
Зрела и крепчала.

Злой Доброго жестоко ослепил,
Но гибельна жестокости дорога.
Не плачь, когда и свет тебе не мил,
И правота безмолвствует до срока.

Верши свой путь — высокий и прямой.
Коль меч беды повис над головою.
Не урони щита неправотой,
Не сей разлад
Меж правдой — и собою.

«Хамса» гласит:
Как ни всеильно зло,

¹ «Х а м с а» — «Пятерица».

Оно в итоге не избегнет краха.
Когда тебе придется тяжело,
Пусть добру сопутствует отвага.

Будь, как Фитнэ,
Свершеньем изумив,
Спесивым
Преподай урок наглядный.
И безграничной верности мотив
Из уст Лейли
Услышь, как зов отрядный.

У матерей своей седой земли
Ты стойкости учись.
И будь опорой.
Люби ты — как Ширин,
И как Лейли,
Не расточай дней молодости скорой.

Не преподавал ли свой урок тебе,
И не зовет ли силою примера
Седой поэт — устами Нушабе
Развенчивая силу Искандера?..

Живи, живи, — но знай — зачем живешь?
Что из того, что даром жизнь досталась?
Цени ее сокровища и множь,
Иначе ждут раскаянье и жалость.

У жизни свой неумолимый счет,
И, тратя щедро золотое время,
Спроси себя — какой же добрый исход
Явило в почву брошенное семя?

Как жалок и несчастен человек,
Что променял свою судьбу на злато.
Он счастье упустил свое навек,
Он — прогадал,
Но жизни нет возврата...

Уроки Низами и Физули
Постигнем же для доблести и чести!
И книжный свод, с поклоном до земли,
Подарим, как приданое — невесте!

Каждый день я тебе звоню...
Как мечте моей — вылиться в слово?
Пять и шесть раз звоню на дню,
Чтобы голос услышать твой снова.

Сотни дней, затаивших тоску,
Простирают зовущие руки.
Как вложить в телефонную нить я смогу
Бесконечную горечь разлуки?

Говорю я с тобой, а душа
Словно мост между двух побережий.
Каждый вздох твой ловлю, чуть дыша,
Голос твой, и волшебный, и нежный.

Лишь повешу я трубку — и вновь
Мы разъяты безмолвием прежним.
Как продлить эту музыку слов,
Упоение голосом нежным?

Не наслушаться мне никогда
Этих звуков, желанных и тайных.
Притянули к себе провода
Их дрожанье на нотах случайных.

Говорим, я не помню, о чем...
Окунаюсь в волшебную бездну,
Чтобы в голосе милом твоём
Раствориться,
 истаять,
 исчезнуть...

Что хотел я сказать — позабыл...
Я и сам — словно звук бестелесный,
Оседает словесная пыль
В оболочке своей бесполезной...

ЛЕТИТЕ, ПЕСНИ МОИ...

Памяти Мусы, Джалиля, поэта и героя.

О, Физули, без слез нельзя достичь радости.
Без капли дождевой, заточенной в раковине,
жемчужине не быть.

Ф и з у л и.

I.

Он смог к живым пробиться
И смертью смерть попать...
Листаю «Моабитскую
Тетрадь...»
Исторгнутые болью
Жемчужины — слова,
Обретшие на вечность
Высокие права.
И кажется живой
Здесь каждая строка
В них слышится душа
Погибшего поэта.
Страдания тяжки,
Зато — тверда рука,
Зато душа полна
Достоинства и света.
Есть в муках и беде
Проверка на износ.

Он верою своей
Превозмогал страданья.
Он креп в святой борьбе,
Мужал,
Мудрел,
И рос.
И заносил в тетрадь
Надежды и желанья.
Он пережил себя.
И вдохновенье билось
Как пульс в крови,
как зов
Безоблачного дня!..
Вот книгу я закрыл,
Но сердце — не закрылось.
Огнем твоей души
Ты опалил меня.

II

Спокойно и легко
В уютности квартир
Мы пишем...
Но сердца
Порой молчат невольно.
Бахвалимся собой,
Слова стерев до дыр,
Спокойны наши дни.
И мы вполне довольны.

Квартира и душа —
В спокойной тишине,
А хлесткие ветра
Бушуют в отдаленье,
Теплы у нас полы,
Тела теплы вполне.
Но души — холодны,
Как мокрые поленья.

Над плоскостью стола
Нависла наша грудь.
Мы пишем,
Чтоб писать...
Но восстают страницы!
И тяжело перу
Вести чернильный путь,
И умирает стих,
Едва успев родиться..
Чьи уши поразит
Подобное письмо?
Надсадно создавать
Стихи —
чего же ради?
Тем строчкам — ни души,
Ни крыльев не дано.
Они не принесут
Ни боли, ни отрады.
Железо докрасна
Не раскалив в огне,

Нельзя согнуть никак
И молотом поправить.
В горниле высших чувств
Поэзия грядет,
Чтоб время победить,
Чтоб жизнь и честь
Восславить!

О друг мой молодой,
Для творческой души
Ни храмов не ищи,
Ни тишины утешной,
Когда душа полна
Высокого огня,
Она не замолчит
И в темени кромешной.

Кто плачет —
Тот тебя
Заставит слезы лить.
А обожженный — жжет,
И опаляет душу.
Так каменную твердь
Сумел цветок пробить.
Так зреют семена,
Чтоб вырваться наружу.

Душе, вобравшей боль,
Как туче грозовой.

Раскалывая мглу,
Грозою разразиться!

Жемчужины стихов
Рождаются порой
И в мрачной тишине,
В угрюмых снах темницы.

III

В плену не потерял
Достоинство и честь
Джалиль... В душе его
Не гасло вдохновенье.
...Томились, как рабы,
Певцы свободы здесь,
Где Маркс клеймил господ,
Где пел великий Гейне.

И смертный приговор
Уже Джалиля ждет.
Надвинулась беда
Неумолимо — грозно.
Но не казнить его,
Казнившего беду.
Ушедшего в века.
Уж он бессмертен,
Поздно!
И прежде пел поэт

В безоблачные дни
Труда и тишины,
Но только вызов смерти
Вместил в его перо
Всю песенную мощь,
Всю ненависть к врагу,
И весь талант,
Поверьте!

Так в завтрашние дни
Заглядывал поэт,
И прозревал зарю
Безоблачных столетий.
Скупых мгновений жизнь
Годам он приравнял
Пронзительной строкой
И песней недопетой.

В снарядах, в свисте пуль
Он слышал гул побед.
Не дрогнул в смертный час,
В последний час поэт.

Ему сулили жизнь
В довольстве и тепле.
А он ответил:
— Нет!
Я смерть приму
без страха...

— Подумай.. Не спеши..
— Полученная в дар
Свобода — кабала!
Бесчестие?

Нет, плаха!

Двенадцать было их,
Казненных в тот же день,
Двенадцать сыновей
И воинов Отчизны.
Как были сплочены,
Когда нависла тень
Погибели — беды
В темнице ненавистой.

На смерть они пошли
Плечом к плечу в тот час.
Их побратала боль,
Их смерть сама сплотила.

Порой разобщены
Мы мелкою тщетой..
Но общность жертв и бед —
Вот высшее мерило...

IV

Весь долгий черный год
Писал стихи Муса.
О будущем мечтал,
О мире на планете...

Ворчал тюремный страж,
Уставясь на глазок:
«О чем он говорит
С собой
В минуты эти?»

А узник — все писал
Под ритм шагов глухой.
А узник все писал,
И песни свои прятал.
Сегодня, может быть,
Читает те стихи
Ушедший на покой
Тюремный надзиратель.
И в прошлое
Его
Уводят ритмы строк,
Что кровью начертал
Поэт
В сырой темнице,
Наверное, ему
И ныне невдомек,
Что на его глазах
Писались те страницы.

Он бдительно следил
За узником своим,
Которого держал
Под дулом автомата.

Он плоть усторожил,
Души не углядел..
Ни мысли, ни мечте
Оковы — не преграда!

«Спаслись бы лишь стихи!» —
Муса молил судьбу.
Не думал о себе,
Не думал о побеге.

Умрут стихи —
И я
Уйду в небытие.
Коль выживут стихи —
Я не умру вовеки!

Летите же стихи,
Коней своих гоните!
Свяжите крылья туч,
Парите на ветру!
Возлюбленный мой край
С приветом посетите.
Мой дух
Взовьется в них,
И сам я
Не умру!
Летите, песни, в даль,
И радуйте Отчизну,
Пусть не глумится враг

Над немотой моей.
И обратившись в прах
Живу я вашей жизнью.
Моя душа и стих
Нерасторжимы с ней».

И песни обошли
Далекие края.
Их звездный караван
Вернулся в отчий край.

Как яростный рассвет
Горит душа моя.

Джалиль —
Поэт,
Солдат,
Сражайся и дерзай!

Он пал...
Он не сказал
Земле родной: «Прощай»
И подвигом своим
Он опроверг судьбу.
Он — пал,
Чтобы звездой
Вечерней расцвести,
Стать небом,
Стать луной
И продолжать борьбу!

СМЕХ МЛАДЕНЦА

Во сне младенец рассмеялся,
Кто скажет — отчего?
Как чаша света, расплескался
Чистейший смех его.

Не знает он своей причины,
Тишайший этот смех.
Как светлый луч, упал с вершины
И засиял во всех.

Чему, чему он засмеялся —
Земле иль небесам?
Мудрец ответить попытался,
И рассмеялся сам.

ВРЕМЯ

Как мечталось под сказочным небом.
В золотые, как сказка, года!
Как счастливо мне верилось в небыль,
Представавшую былью тогда.

Были детские мысли богаты,
Улетая с земли в облака...
Посмотрите: я мальчик крылатый —
С ноготок, а мечта — велика.

Наши сказки остались за дверью,
А пути расколдованы впрок.
В небылицы уже я не верю.
Я высок, а мечта с ногтей.

Золотое забыто наследство.
Никогда не вернуться в тот сад,
Где волшебное яблоко детства
Молодящий струит аромат.

Не вернуть тех видений прекрасных...
Перед старостью ныне стою,
Вспоминая, как счастье и праздник,
Всемогущую сказку мою...

Где-то в космосе медлят минуты...
Сын Земли, я останусь на ней.
Дайте детскую веру мне, люди,
И я взмою, как в сказочном чуде
Над потоком стремительных дней.

ВСТРЕЧА

Сын в городе, а мать его в селе,
Живут в разлуке на одной земле.

Перед экраном мать сидит одна,
Глядит на сына, гордостью полна.

Читает сын стихи: — Родная мать,
Не жаль мне жизни за тебя отдать...

Друг против друга — сыну недомек,
Что шепчет мать: — Осунулся сынок...

О С Т О Р О Ж Н О С Т Ъ

Опасаясь слова «осторожность»,
Это друг, который предает.
Осторожность — та же невозможность,
Это слово мимо цели бьет.

Озираясь, вовсе не пиши,
Ибо слово будет без души.
А пиши, как сердце повелит.
С храбрым словом робость устоит.

Голос правды, истины, искусства
Окрыляет даже сердце труса.

Тот, кто реку дум забил камнями,
Выгребает только шум стихами.

Кто шагает, расставляя ноги,
Все равно споткнется на дороге.

Или достигает цели правый,
Или погибает он со славой.

Осторожность — человек в футляре.
Смелость — это жизнь и смерть в ударе.

Осторожность — это запятая,
А не точка, сутью налитая.

Осторожность — ответ, а не свет,
Это страх, далекий от побед.

Осторожность в рабстве прозябает,
Но раба — героя не рождает.

Храбрость — это трудное движение,
Осторожность — легкое скольжение.

Жизнь не в жизнь, когда живешь с оглядкой,
Застреваешь на дороге гладкой.

Не вредила сроду мне отвага, —
Я страшусь не храбрости, а страха.

КТО-ТО БЫЛ, А КТО-ТО НЕТ...*

Поэту Р. Баширли.

Кто-то был, а кто-то нет
Много зим и много лет.

Жил да был богач бездетный,
Раздавал богатство, бедный.
Все он мог и все умел,
Только сына не имел.
Было небо у него,
Да крыла ни одного.

Где-то тьма, а где-то свет,
Кто-то был, а кто-то нет.
У кого-то дети есть,
Да в кармане дыр не счесть.
Сбоку дождь, а сверху снег.
Крылья есть, а неба нет.

Был бы молодец здоров,
Есть что есть, да нет зубов.
Есть праща, да камня нет.
Так устроен белый свет.
Никогда мы не видали,
Чтобы два конца совпали.

* Традиционный зачин азербайджанских народных сказок.

Кто-то был, а кто-то нет.
Кто вопрос, а кто ответ.
Некий хан ходил за нищим,
Чтоб купить его рубище.
И не то еще бывает,
И пустое — прибывает.

Кинешь камень в небосвод —
Утка наземь упадет.
Это быль, как говорится.
Просто сказка-небылица.
Кто-то верит, кто-то нет,
Видно, так устроен свет.

БЕСЕДА С САМИМ СОБОЮ

Я жив еще, но как могила нем,
Моей души не исцелить ничем.
Горячая разлука и тоска.
Мне не сулят ни одного глотка.

Давно я сдался в плен мирских невзгод.
Любовь моя, таков ли твой исход?
Любовь косым лучом уходит в тень...
Где в этом мире незакатный день?

Я — мельница, лишенная воды,
Травую заросли ко мне следы.
Ни жернова, ни гости не шумят.
Я помню все, и ничему не рад.

Свою глухую ноющую боль
Я срезал, как любимую мозоль.
Но рана обнаженная больней.
Кто скажет, что теперь мне делать с ней?

Как молодость, я был неотразим,
И не считал ни лет своих, ни зим.
Но, протрезвев под серебром седины,
Все эти годы отдал за один.

Бог знает, что я, кто я — на земле!
То друг, то враг мерещится во мгле.
Смычок печали трогает меня,
И горько плачу я на склоне дня.

Развеял тучу, но стоит туман
И ест глаза, как дым от старых ран.
Зазеленев от боли, как трава,
Я полем стал перед тобой, гора!

Я слушал мысли тайные свои
Сквозь гул и плеск и шорохи в крови.
И долго говорил с самим собой,
Как будто с оборотной стороной.

КАТАФАЛК

Это в западном было Берлине,
Или западней... В белой машине
Гроб везли, а за ним ни души.
— Что за странный обычай?

— Так нужно! —

Мне ответил сосед равнодушно.

— Да кому это нужно, скажи!
Неужели для горя и слез
Ни родных, ни друзей не нашлось,
И нельзя проводить человека,
Как положено миру от века?
— Был обычай, — сосед пояснил, —
Но его наш закон упразднил,
Потому, что, по общему мнению,
Он мешал городскому движенью...

— Не хочу я таких похорон.
Где же люди? Что значит закон,
Если он попирает святыни!
Человека увозят в машине,
Как предмет, как простое тряпье.
Человек! Где же сердце твое?
Кто оплатит тебя, кто придет
Провожать до последних ворот?
О каком ты толкуешь движенье,
Если наши земные пути

Все уходят в одном направлении,
Все у господ бога в горсти?..
Совесь... совесь увозят в авто,
Но об этом не знает никто!

1972, Западный Берлин.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Волосы твои «помолодели».
Изменился, видно, белый свет,
Если моментально, в самом деле,
Седина твоя сошла на нет.

Почернил ты старость. Ну так что же!
Навсегда не спрятать меч в ножны.
Но, твои причуды не дороже
Мудрого сиянья седины.

После солнца что ты рассуждаешь
О его развеянном тепле!
Иль, сойдя с коня, воображаешь,
Что сидишь по-прежнему в седле?

Старческий твой пыл напоминает
Озеро, чей лебедь улетел.
И смешон, когда мечом махает
Тот, кто поражение потерпел.

Сам себе ты голову морочишь.
Все твои усилия пусты.
Хочешь ты того или не хочешь,
Но хозяин время, а не ты.

ПРОДАЖА

(Лондон, рынок Портобелло)

Старый Лондон... Суматоха рынка...
Все здесь есть. Всему своя цена...
Даже предлагаются открыто
Гитлеровских армий ордена.

Позабывши о поре кровавой,
Боль свою открыто предают...
То, что было для фашистов славой,
За полфунта ловко продают.

Вот и крест серебряный... Не он ли
Вожделеньем был для «высших рас»?
Он, о чем мечтали миллионы,
Ищет покупателя сейчас.

На мундире старом или новом
Он когда-то доблестно блистал,
А теперь товаром полфунтовым
На толкучке Портобелло стал.

Маленький, блестящий этот крестик
На весь мир бросал когда-то тень,
А теперь он в лондонском предместье
Любопытства праздного мишень.

Впрочем, если разобраться толком,
Не такой тут праздный интерес,
Если не залеживаться долго
На прилавке может этот крест.

Почему он нужным оказался,
Популярным, лондонцы, у вас,
Этот крест, которым награждался
Вас бомбивший гитлеровский ас?!

Не зазря он кем-то был получен,
Посмотри, британец, на него,
И на нем — ты погляди получше —
Кровь отца увидишь своего.

Так за тем ли, — в этом все и дело, —
Кровь свою отец твой проливал,
Чтоб теперь
На рынке Портобелло
За нее
Полфунта ты отдал?!

Ты говоришь: «Уж больно горд собою...»
Но в этом я совсем не виноват.
Не очень я доволен был судьбою,
И сам себе порою был не рад...
Я гордым стал
В тот незабвенный миг,
Когда — «люблю» —
Прочел в глазах твоих.

К себе любовью
Я тебе обязан, —
Отмечен я
Тобою меж людьми.
И тем горжусь,
Что я с тобою связан
Непостижимой тайною любви!

ДЕД, ОТЕЦ И Я

Мое космическое путешествие на корабле
«Аполлон-8» еще раз убедило меня, в том,
что мы все живем на очень маленькой
планете.

Ф. Борман

Мой дед лишь однажды в жизни своей
Проехал в Агдаш из Шеки,
И ему показались просторы полей
Необъятны и широки.

— И это все владения царя? —
У возницы спрашивал он.
Если подумать,
Совсем не зря
Дед мой был удивлен.

Всю жизнь в Шеки всходила заря,
Заря угасала там же.
И вдруг
Увеличивается земля
До самого... Агдаша!
Ровно восемьдесят километров!
Шутка ль, — по склонам гор!
Стала для деда
Дорога эта
Мерой длины с тех пор.

Отец меня на руки брал, мальчика,
Подбрасывал до потолка
И спрашивал:
— Любишь ли ты отца?
Как любовь твоя
Велика?
— Любовь моя велика,
Как земля! —
Кричал восторженно я.
— Молодец! —
Говорил мне отец, смеясь. —
Необъятна, сынок, земля!

Ведь мерой огромности
У отца
Был мир земной,
Не имевший конца...
Боюсь,
Заблудится разум мой
В пространстве, открывшемся мне,
Где руку
Наш маленький шар земной
Уже протянул к Луне.

ОТНОШЕНИЕ К ВОЗРАСТУ

Юною беспечною порой
Мне казалось: сорок — это старость.
Сорок мне. Но сколько, боже мой,
Детского в душе моей осталось!

Не вчера ли плечи саднил мне
Ранец, детством пахнувший и школой,
Не вчера ль скакал я на коне —
На тростинке мчался камышовый?
Тот же я — от головы до пят.
Как мне быть?
Не чувствую я годы!
Как тогда, мечты мои кипят,
То в долины мчат они, то в горы.

Я себя на детскости ловлю,
На свои желанья улыбаюсь...
Словно сном я
Безмятежным сплю —
Годы мчат, но я не просыпаюсь!
С детворой я вовсе не шучу —
Лишь увижу, как они резвятся,
Взявшись с ними за руки,
Хочу
С их ватагой шумною сравняться.
Чтоб ничто
Побегать, пошуметь,
В прятки поиграть мне не мешало —
Так бы мне запрятаться суметь,
Чтоб на след мой
Старость не напала.

Только годы — что уж там скрывать —
О себе напоминают явно,
Если стал в дороге устать,
Ни при чем тут рытвины и ямы.

Но когда я в розовом дыму
Солнце лучезарное встречаю,
Молод я,
И сыну своему
Я себя ровесником считаю.

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

Молчанье во мне?
Или крик безголосый?
Кто может услышать? —
Лишь я!
Вопросы — призывы, порывы — вопросы.
Безмолвный ответ бытия.
Весь мир как вопрос.
Все тревожнее в мире!
Звонит по ночам телефон.
О, как записать мне
В уснувшей квартире
Молчанье на магнитофон?

— Бездна, в которую завтра я кану.
Будет, — сказал ты, — сродни океану.
— Что ты? Ну разве покинешь ты сушу?
Страх превратит в океан твою лужу.

ПЛАНЕТА

На корабле с названием «Планета»
Мы странствуем:
И ты, и я, и он.
Один на всех —
Луч золотистый света,
Беда одна —
Стихия грозных волн.

На корабле с названием «Планета»
Мы радость и печали познаем.
Наперсник будь
И солнечного света,
Плывет, плывет
Наш странствующий дом!

Все злее ветер,
На крыло упруго
Ложится чайка на исходе дня.
...Смешно, когда под вечер
Друг на друга
Злословят пассажиры
Корабля.

МЕЛОДИЯ — СЛОВО

Ужель мечта в разладе с настоящим,
С обычной повседневностью своей?
Но не было бы крыльев восходящих,
Когда б мечту отняли у людей.

Я сам живу,
Как в некоем сновиденье:
Сливаются с реальностью земной
Мои мечты...
Где сны,
Где пробуждение?
Мечта ли,
Явь ли
Этому виной?

Но меркнут сны,
Туманятся, бледнеют...
Начало яви — окончанье сна.
Чего я жду от жизни?
Что за нею?
Какая будет музыка слышна?

Бойшься ты,
Что оборвется песня!
Не бойся,
Песня новая воскреснет.

Не забывай, мой друг, что в песне этой
Мелодия — твоя,

Слова — мои,
Что угли нашей песни недопетой
Прожгут зола
Холодные слои.

Твои напрасны, друг мой, опасенья,
У жизни нет начала,
Нет конца.
Он вечен, обновленья хор весенний,
Как вечна жажда песни
У певца.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Ты взглянула —
В зимний день
Сад очнулся, иней тает
И от розы соловей,
Как весной, не улетает.

Ты взглянула, и запел
Озаренный взором сумрак.
Легкой тенью на снегу
Разлился весенний сурик.

Не от взгляда ль твоего
Сердце вновь воспламенилось?
Снова мир похорошел,
И ветвям листва приснилась.

Не от взгляда ль твоего
Вся земля оделась цветом?
Тайна взгляда одного
Овладела целым светом.

На огне твоём сгорю,
Стану пеплом,
Стану тленом...
Сколько силы, говорю,
В этом пламени несмелом.

В какой-то миг
 во мне сменяет грусть
Мою веселость...
 Отчего? Не знаю.
В душе своей порой не разберусь,
Нет, о себе
 я ничего не знаю.
Вот только что
 душа была темна,
И снова в ней — рассветно.
 В чем причина?
То вдруг мечта,
 как факел взметена,
То вдруг погасла.
 Пусто. Мертвечина.

Нелепая раздвоенность моя!..
Мне странно,
Я досажую украдкой.
Как самого себя
 узнаю я, —
Когда и жизнь моя —
 сама загадка!..

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ...

Как за солнцем — подсолнухи,
Мысли мои — за тобой.
Лишь теперь понимаю,
 что значит награда.
Мне другого источника света не надо,
Ты — светильник единственный мой.

Мне с тобой и светло, и легко,
Мир приемлю глазами твоими,
Приближая все то,
 что пока далеко
И пока еще не обрело
 твое имя.
Только время! Меня самого уже нет,
Я в тебе,
 словно свет в январе, растворен.
Возникает в слиянии наших имен
Осязаемый свет.

Я, все чаще теряя,
 себя нахожу,
Восполняю в тебе. Как родник!
Мы, от грешных оков отрешаясь,
 между

Стерли в жизни
 одной на двоих.
Чем себя безоглядней другим отдаем.
Улетая навстречу векам,
Тем, наверное, ближе
 в истоке своем
К синим звездам, вечным снегам.

В ПРИРОДЕ ВСЕ ОБДУМАНО...

Летит листва...
На ветках кое-где
Еще желтеет бронза, как медали.
И ветренно. И звезды в высоте
Студеней и отчетливее стали.

Летит листва...
Так что ж? Пора уже,
В природе все обдумано, как надо.
Но почему душа настороже?
И тишина... И серый остов сада...

И я теперь,
 уже вне суеты,
Зову друзей разрозненную стаю.
Ровесники,
 сады обнажены,
Листва уже кружится золотая...

Моя наука — тишина,
А мысль — мое перо.
Я окунаюсь в тишину,
 как в глубину,
Зло постигаю и добро
У тишины в плену.

Что наше знание без глубин?
Ему грошевая цена.
А для меня
 твой миг один —
Всей жизни равен, тишина.

ГРАНЬ ПАМЯТИ

Рассветный лучик —
 на краю стола...
Молчанье.
Снова вслушиваюсь в память,

В безмолвном мире
 света и теней

Плыву я,
 берегов не достигая.

Грань памяти — как тайна.
 Что — за ней?

Но тают силуэты лиц и дней,
Как волны убегая...
 убегая...

Мне говорят: «Пусть» длятся дни твои!»
Но мы уходим — поздно или рано.
А сердце, неспособное к любви,
Пусть раньше срока биться перестанет.

Гул моторов,
железа скрежет...
Оркестровка у века — своя!
В переполненном зале
Все реже и реже —
Шепот листьев,
реплики соловья...

У юности руки длинные,
Но короткий язык.
У старости — длинный
язык,
Но руки коротки.
В юности по ночам
Свой бег ускоряют часы.
В старости день — это миг,
А бессонные ночи долги...

Была б короткой жизнь,
Как ветка,
Без песни, льющейся
окирест.

Была бы тесной жизнь,
Как клетка,
Без неизбежности чудес,
Когда над волнами
событий
Мы плещем крыльями
открытий!

Когда ты с мыслями своими
Наедине,
Ты одинок, мой друг,
конечно.
Но не вполне!
Нет, одиноким ты не
вправе
Считать себя,
Беду чужую в сердце
плавя,
Любя, скорбя...
А тот, кто занят лишь
подсчетом
Своих сединок,
Тот — пусть и окружен
почетом —
Совсем один!

ПРИТЯЖЕНИЕ

То, что было , уходит,
И стоит ли думать о том,
Что ушло в небытие,
Что растаяло, сгинуло,
стерлось!

Но ведь было,
Ведь мучило, жгло меня
Имя ее,
Имя прежней любви,
Запрудившее нежностью
горло!

Мы расстались, любовь,
Мы уйдем в небытие,
Ты и я...
Но не ты ли,
Не ты ли вновь вызволишь
Из небытья?

КОГДА ГАСНЕТ ЭКРАН

«Сегодняшние передачи окончены.
Прослушайте программу
на завтра...»
Постой, помедли в голубом
окошечке.

Прошу,
не исчезай так внезапно!
Побудь со мною, гостья желанная.
Считай, что ты пришла
мне на помощь.
Я не хочу, чтоб око экранное
Пустым бельмом таращилось
в полночь.
Куда спешить?
Ты, видно, торопишься
День завтрашний,
как платье, примерить,
А нынешний — упрятать
в коробочку,
Не пожалев об этой потере.
А для меня прощанье —
болезненно,
В мечтах о будущем
я не витаю.
Размеренно взбираюсь
по лестнице
И каждую ступеньку считаю...
На сон ли тратить время летучее?
С годами сутки — вдвое короче.
Побудь со мной!
По этому случаю
Займем
хотя бы час
мы у ночи.

Дороже сна мне стала
 бессонница.
Я, жизнь свою ценить
 не умевший,
Не понимал, что просто
 бессовестно —
День отпевать еще не умерший.
Экран погаснет —
 и одиночество
Подступит снова холодом
 к сердцу.
Еще не поздно,
 спать мне не хочется,
Хочу я у экрана погреться.
Пусть голубеет око экранное,
И пусть, в печаль мою не вникая,
Со мной побудет гостя
 желанная —
Душа — хотя б какая — живая...

Прервал мои слова ты?
Ну и что ж?
В собрании
 или кругу застольном
Речь общая — входи!

Но не тревожь,
Когда молчу.
Я сам с собой.
И только.

Остановилось сердце.
Жизнь угасла,
Блеснув последней каплей
 на щеке...
Но все еще работали,
С запасом,
Часы
 на холодеющей руке.

ЭХО

Если поднимешься ты
На вершину высокой горы —
Эхо на голос твой отзовется.
Если опустишься ты
В пропасть, в тартарары,
Эхо на голос твой отзовется.
Оно — в поднебесном льду
И в подземном аду, —
Что же эхом зовется?

Чем младше дети — тем на них щедрей
Льет материнство животворный свет.
Вернется ль он?
И через сколько лет?
Ребенок — не ломбард, чтоб заложить
В нем душу, а потом безбедно жить.
Растет ребенок рядом под крылом,
Но день придет, и он покинет дом,
Чтоб отыскать себе среди чужих
Ту, что роднее станет всех родных...
Ах, дети, дети!

Не они для нас,
А мы для них!

Не золотой запас
Они, — а завязь на ветвях любви,
Питай их соком сердца — и живи!
Тот сок они, конечно, не вернут,
Когда листом зеленым развернут
Свою судьбу...

Но в новых семенах
Взойдет любовь, превозмогая прах!
Когда ж любовь долгам открыла счет,
То кто ее любовью назовет?..

...Сын справляет день рождения своего,
Собрались к нему друзья на торжество.
Раздаются тостов звонкие слова,
В них на счастье утверждаются права.
Мать за дверью притаилась, словно тень,

Не без гордости словам внимая тем:
«Всем известны твоя смелость и твой ум,
Справедлив ты, мы свидетели тому!»
Почему же у порога мнется мать,
Почему б и ей свидетелем не стать
Шумной радости?

Хотела б, да нельзя.

Днем невестка, глядя прямой ей в глаза,
Намекнула: «Молодые к нам придут,
Понимаешь стариков не будет тут».
Понимаю, дочка, как же не понять —
К дню рожденья сына непричастна мать...
Снова слышен звонкий голос молодой:
«А сейчас, друзья, я пью здоровье той,
Кто народу подарила храбреца!»
Слышит мать, не утирая слез с лица.
Это что же, за нее подняли тост?
Ту, которая за дверью горечь слез
Пьет по капле, словно горькое вино?
Что ж, сыночек, будь счастливым все равно!
«...А теперь пускай виновник торжества
«Песню «Мать» исполнит! Помнишь ли слова?
В честь такого тоста подпоем мы все!»
Сын направился к стене, где тар висел,
Снял его любовно и прижал к груди...
Струны дрогнули...
Ну, что же ты, войди!
Покажись им! Это песня о тебе,
О твоей, достойной лучшего, судьбе,

О тебе поют и плачут струны те —
О бессонной материнской маете...
Ну, а ты, невестка, что ты прячешь взгляд?
Или песня зазвучала невпопад?
Почему вдруг у тебя печальный вид?
Не забыла, кто за дверью там стоит?
Или вспомнила о матери родной? —
Почему же причиняешь боль другой?
Ты задумайся:
Ведь скоро ты сама
Станешь матерью,
И хватит ли ума
У твоей невестки будущей понять,
Что свекровь — она для мужа просто мать?..
Песня кончилась.
И отзвенела грусть..
С плеч невестки будто спал незримый груз, —
Улыбнулась и плечами повела,
За собою мужа в танец повела.
Мать пошла на кухню приготовить чай,
Утирая шалью слезы и шепча:
«Ничего, сыночек, я перетерплю,
Разве я любовь во зло употребляю?
Видно, в самом деле подошла пора
Мне, старухе, убираться со двора.
Лишь бы ты забот не знал, а я-то что...
Сгину с глаз — и не проведает никто.
Завтра ж в Дом для престарелых перейду —
Видно, это речено мне на роду».

Так решила мать с обиды,
не со зла,
В чемоданчик старый, вещи собрала
И ушла из дома, лишь рассвет настал.
Ну, а сын?
А сын задерживать не стал...

ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

По двое, по трое сидят старики
В коридорах Дома для престарелых,
На лицах у них не осталось пробела
Для самой последней морщины — строки.
Сплошь — справа налево, и наискосок —
Исписаны временем, долгим и трудным.
О чем они думают — молча, подспудно —
Попробуй, пойми, из запутанных строк!
Путь пройден до края, не стало забот,
Одна лишь осталась — сидеть, вспоминая
Всю жизнь от начала до этого края,
И дать ей оценку, и выставить счет.
Кто выиграл в жизни, а кто проиграл?
Сейчас уже меркой другою измеришь.
И главное — что ничего не изменишь,
Счастливый иль горький — финал есть финал.
Что щедрой рукою природа дала,

То время у нас отбирает нещадно,
И то, что иной нахватал себе жадно,
Рассыплется в прах, и истлеет дотла.
Не сердца порывы — одна только мысль
Теперь их телами остывшими движет.
Ложатся, встают... — будто ветер колышет
Сухой, шелестящий тихонько камыш...
А ночью им снова решить предстоит
Сегодня же, не полагаясь на завтра,
Какие обиды поставить на карту
Бессонницы, что в изголовье стоит..

...Здесь полубольничный бывает порядок.
У каждого в комнате — свой уголок.
Кровати, заправленные опрятно,
И тумбочки — полный аптечный ларек.
На столиках — книги, журналы, газеты,
И в вазах — привянувшие букеты.
Вторая неделя пошла, как он здесь, —
Уста Алекпер, — а привыкнуть не может.
Стоит у окна, и тоска его гложет,
Хоть кто бы принес хоть какую-то весть
Из дому!
Неужто совсем позабыли?
Ведь я им — отец, не пойду на поклон.
Три сына... Семья... Виноградный балкон...
Теперь уж не скажешь, что есть они, —
Были...
Не выдержала как-то

И номер набрал
Знакомый...
Алло! Вам кого?
Он смешался.
Он имя свое назвать не решался,
Во рту пересохло...
— Бездельник! Нахал!
Ну, долго ты будешь молчать? —
Этот звонкий
Задиристый голос узнал он тотчас —
Внучок... Алекпер...
Свое имя припас
Ему он еще до рожденья ребенка...
Он трубку дрожащей рукой положил.
Ну, что ж, прав мой внук,
Я нахал и бездельник,
Что больше не мог заработать им денег,
Слесарничать трудно уже,
Нет у сил.
Но внук мой еще за меня отомстит
Отцу своему,
Когда тот постареет!
Он старость его теплотой не согреет.
Я дал ему имя,
Но совесть и стыд
В том доме уже не прописаны больше...
— Послушай, уж коли решил ты дымить —
Сосед тут окликнул его, —

так изволь же

Окно приоткрыть.
Хватит душу томить
Раздумьями,

лучше уж в нарды сыграем!

— Не хочется что-то, — ответил уста. —

А что до окна —

То погода такая,

Что, стоя здесь, я весь продрог неспроста.

Сосед усмехнулся.

— Нет, братец, не то...

Взгляни-ка на градусник — двадцать четыре.

Нет, холод — он только внутри...

Ну, а в мире —

Поверим-ка Цельсию — в мире тепло.

А куришь ты слишком уж много...

Пора бы

Всерьез о здоровье подумать своим...

Неужто не можешь без этой отравы?

— А что мне желать? Для чего мы живем?

Днем раньше, днем позже... конец одинаков!

Мы в этом саду, как трухлявые пни,

Уж больше не зазеленеют они,

И тут не поможет ни лекарь, ни знахарь...

— Выходит, ложись, да и помирай?

Нет, братец, уж тут ты хватил через край!

Нет, мне пусть он будет не очень-то сладок,

Но дорог и жизни последний остаток!

Да что говорить, — я б и твой прихватил!

Уста поневоле в ответ улыбнулся.

Сосед-то каков! И откуда он сил
Набрался таких?

Разве он не столкнулся

С предательством близких людей?

Или он

Совсем одинок — ни детей и ни внуков?

И тут он подумал, что, может быть, другом

Судьбою на старости лет награжден...

Друг прежний давно уж...

Еще на войне...

Уста отошел от окна

И к соседу

Поближе подсел, чтоб продолжить беседу,

И вдруг он заметил — висит на стене —

У зеркала — фотография чья-то,

Какого-то парня с насмешливым взглядом,

В пастушьей папаше, нарядной чохе,

Здравшего ноги в высоком прыжке.

— Кто это? — спросил.

— А ты разве не знаешь?

Отличный танцор. И известный притом.

Ну, что узнаешь?

— Нет, он мне незнаком...

— Надень-ка очки!

— Ты меня обижаешь,

Я вижу прекрасно.

К тому же, юнца

Любого

я помнить совсем не обязан...

Улыбка сошла у соседа с лица:

— Вот как?.. Значит, стал я совсем безобразен,
Раз ты не узнал меня...

Это ведь я!

Смутился уста:

— Да, улыбка — твоя...

— А знаешь, дружище, ведь я специально

У зеркала этот портрет прикрепил...

Когда у меня истощение сил,

На образ гляжу — так сказать, идеальный,

И мне помогает забыть идеал

Того, кто меня в зеркале напугал.

А я ведь и вправду танцор был известный,

Я только мигни — и любая невеста

Со мною сбежала б в чужие края...

Уста повторил:

— Да, улыбка твоя!..

А вот, погляди-ка — И снимок семейный

Достал из кармана уста. — Погляди:

Вот сын мой. А эта вот — с видом елейным —

Невеста. Вот — дочь. И внучок впереди.

Но, быстро скользнув глазами по снимку,

Сказал без ответной улыбки сосед:

— Да видно, дружны, если снялись в обнимку...

Да только тебя вот на снимке том нет...

Ночь...

Звезды в окне...

И еще — сигарета...

Улегся сосед, но ему не до сна —

Постель только телом его и согрета,

А значит — как ты ни вертись — холодна...

— Дружище, а ты не обиделся часом?

Не надó.

За горькую правду прости.

Ты знаешь, я тоже обвыкся не сразу...

Потом станет легче...

Ложись лучше, спи.

Ни слова в ответ.

Только кашель сухой,

Слегка приглушенный дрожащей рукой.

Долго ищут ученые разных стран

На земле нашей древней — не клад,

А разгадку — с чего вдруг Азербайджан.

Долгожителями богат?

Тут, мол, климат причиной...

Целебный состав

Родниковой воды...

То да се...

Может, каждый из них по-своему прав,

У меня же — мнение свое.

Я его изложу.

Но сначала вопрос

Мне хотелось бы предложить:

Разве это не странно — дивиться всерьез,

Что способны мы долго жить?

Мы смиряемся с горечью ранних утрат,

С ранней проседью на висках,

Мы глядим, как на редкостный экспонат,
 На глубокого старика.
 На свидетеля доэлектронных времен
 Мы с усмешкой всезнайки глядим —
 Мол, замшелым он опытом обременен,
 Что он может дать молодым?
 Что он может нам дать?
 То, что корни дают,
 То, что дал Кер-оглу Ченлибель.
 Потому что наш край — не убогий приют
 Долгожителей —
 Их колыбель!
 Да, их щедро поила родная земля
 Родниковой целебной водой,
 Не скупилось и море, по-братски деля
 С рыбаком свой запас золотой.
 Но не в этом причина того, что до ста
 Дотянуть — далеко не предел.
 Долголетия тайна сложна и проста —
 В том, каков стариковский удел.
 «Воду — младшему, старшему — место...»
 Народ
 Поговорку не даром изрек.
 Вряд ли долгую жизнь тот старик проживет,
 Кто ее повторит, как упрек...
 И ребенок, что матерью брошен своей,
 Тот, кто ласки ее не испил,
 Вряд ли будет зачислен в ряды тех людей,
 Кто столетье переступил.

Как ребенок малый,
 так и старик
 Беззащитен на склоне лет...
 Кто в такую пору покинет их,
 Для того оправдания нет.
 Младшим — свет материнства,
 А старшим — почет, —
 Вот откуда свой счет
 Долголетье ведет!..

ДЕТСКИЙ ДОМ

Детский дом и Дом для престарелых...
 Стоит лишь дорогу перейти,
 Ту, что пролегла скупым пробелом
 Меж началом и концом пути,
 Снова,
 Встав пораньше в воскресенье,
 Как бы опасаясь опоздать,
 Захватив конфет или печенье,
 Ту дорогу переходит мать.
 Путь между восходом и закатом,
 Между тем, что будет, и былым...
 В Детском доме ждут ее ребята,
 Мать успела привязаться к ним.
 К одному — особенно...
 В веснушках
 Все лицо, живой и умный взгляд...

Припасла она єму іграшку
Заводную — то-то будет рад!..

В день воскресный в Детском доме —
 праздник,
Для того, кого возьмут домой.
А других он попусту раздражит
Мимолетной шумной суетой.
У детей, что в стороне притихли,
Вдруг во взгляде искорка мелькнет —
Искорка надежды:

уж не их ли
Эта тетя за руку возьмет?
Неужели так всегда и было,
И не сыщешь той уже вовек,
Чтоб тебя единственно любила,
А не группу в двадцать человек?
Напроказишь — сразу же осадят,
Не склонив участливо лица.
Да, ребенка по головке гладят
Чаще только ради лишь отца
Или матери...

И если ласку
Женщине в обязанность вменить,
То легко, надев улыбки маску,
Ласку суррогатом подменить.
Только все старания — впустую,
Нелегко ребенка обмануть,
Лишь один магнит и существует,

**Чтоб его сердечно притянуть.
Любящее сердце!**

Нет на свете
Ничего, что может подменить
Луч твой светлый!..
И вслепую дети
Отличать умеют эту нить
От любой поддельной иль случайной,
И, еще себя не осознав
Личностью, стремятся изначально
К достиженью главного из прав —
Права на любовь!
Нам это право
При рождении мать передает.
Не отыщешь драгоценней сплава,
Чем когда душа к душе прильнет.
Теплота полночного дыханья,
Материнской нежности броня...
Остальное — просто воспитанье.
Распорядок будничного дня.
Дети обделенные!

Кто вправе
Требовать любви потом от них,
Если их в младенчестве оставить
Без отца и матери —
одних?

Свой ребенок — он раним и чуток,
От чужого — голова болит...
Мать, едва накажет за поступок,

Тотчас пожалеет и простит.
Воспитатель — даже справедливый —
Видит пред собой живой объект:
Маленький, напуганный, сопливый,
Озорной, растрепанный, шумливый,
Слишком молчаливый иль болтливый, —
В каждом есть какой-нибудь дефект!
Нужно быть внимательным и строгим,
В этом воспитатели правы,
Но, чтоб справедливые упреки
Лаской были сдобрены... — увы!
Только мать способна на прощенье
Там, где не простит никто другой,
И на первый зов

без размышленья
Встанет сердце матери горой
За сердечко хрупкое...
А если
У ребенка отнят этот щит,
Он и веселясь не будет весел,
И питаясь впрок, не будет сыт.
Но, надеясь, тычась по-слепому
В мире, переполненном людьми,
Он сторицею воздаст любому,
За крупицу искренней любви!
Знали б вы,

что с ними происходит,
Когда в Детский дом —
смотреть невмочь! —

Женщины бездетные заходят,
Чтобы выбрать

сына или дочь!..

Как они спешат принарядиться,
Оживают, глядя в зеркала,
Будто бы какая-то Жар-птица
К ним впорхнула —

счастье принесла!..

Подступают с трепетной надеждой
К женщине —

не мама ли она? —

Прикоснуться к краешку одежды,
Заглянуть в глаза...

Не знает сна,

Кто хотя бы раз увидел это,
Если в нем душа еще жива...
Как сказать о переливах света
В замерших глазах?

Бедны слова!..

...На лице у мальчика

Прыгают веснушки —

Он смеется звонко,

Видно, рад игрушке.

Ну и мать довольна:

— Ах ты мой Джиртан!

¹ Маленький персонаж азербайджанских сказок, мальчик, победивший злого дива.

Тут же он с вопросом:
— Кто такой Джиртан?
— Разве ты не знаешь?
Ну, тогда садись
И послушай сказку...
Только не вертись!
Жил на свете мальчик,
Целый день играл.
Даже темной ночью
Глаз он не смыкал...

— Значит, мамы тоже
Нету у него?
— Ты постой...
Послушай...
В мире ничего
Не боялся он...
— Я тоже не боюсь!
С сдружусь с Джиртаном,
Если он не трус!
Женщина смеется:
— Коль сойдется вы,
Не сносить и злему
Диву головы!
— Бабушка, а скоро, —
Перебил малыш, —
Ты меня с Джиртаном
В гости пригласишь?
Что ему ответить?

В горле — горький ком...
— Подожди, мой милый,
Как-нибудь потом...

Только б эту горечь
Не пролить из глаз...
— Знаешь, у Адиля
Мама вдруг нашлась!
А моею мамой —
Хочешь? — будешь — ты...
— Ах ты, мой бедовый...
Мало теплоты
В своем старом сердце
Сохранила я,
Но до самой смерти
Вся она — твоя...
Повзрослевшим сыном
Брошенная мать
Тянется чужого
Мальчика обнять.

Что же означает
Встреча двух сердец?
Для него —
Начало,
Для нее —
конец.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Встаньте,
граждане, —
Суд идет!
Из глубин
нашей чести и совести
Суд идет!
Он предъявит счет
Неподсудной
покамест
подлости!
А свидетели — вот они!
Те,
Кто в беспомощности покинуты,
Но Отечеством
подняты,
приняты
В беззащитной своей наготе!
Да,
у нас —
обездоленных нет,
Но и тем,
кто покинут близкими,
Обеспечив
и кров им,
и хлеб,
Мы должны сочувствие высказать!

А сочувствовать —
значит, понять

То,
что нам далеко до хорошего,
Если сына
бросила мать,
Или —
мать
своим сыном
брошена.

А сочувствовать —
значит, судить

Тех, кого на скамью подсудимых
Может совесть одна посадить —
С ликом строгим
и в ранних седилах.
И изречь приговор свой:
живи,
Присужденный
к лишению любви!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о поэте. Евгений Евтушенко	3
--	---

Переводы Риммы Казаковой

Родине	6
Думы в пути	7
«Мой товарищ-художник творит мой портрет»	13
Дворец и лачуга	15
«Мы поссорились снова...»	16
«Вот здесь, по эту сторону Аракса...»	18
«Всегда, когда я на тебя смотрю...»	18
«Слова «дружба» не произноси...»	19
«Ты говоришь, что в сердце у поэта...»	20
Восход-закат	21
Движение	22
Разговор о хлебе на чужбине	24
«Стоит гора. Такая высота...»	26

Переводы Евгения Евтушенко

Легенда об Улькер	27
Козел-вожак	28
Замок	30

Переводы Михаила Санельникова

Измерение	31
Тоска по весне	33
Крепись, мое сердце	35
Я хочу летать...	36
Рука в руке	37
Утешение	38
Гара-зурна	40
Колыбель	42
«Как водопад в горах...»	45

Переводы Людмилы Щипахиной

Жажда	49
Седина	50
Мастер Али	52
Иск	55
Невестам	58
Каждый день я тебе звоню...	61
Летите, песни мои (п о э м а)	63

Переводы Юрия Кузнецова

Смех младенца	73
Время	73
Встреча	74
Осторожность	75
«Кто-то был, а кто-то нет...»	77
Беседа с самим собой	78
Катафалк	80
Заходящее солнце	81

Переводы Анатолия Передереза

Продажа	82
Ты говоришь: «Уж больно горд собою»	84
Дед, отец и я	84
Отношение к возрасту	86

Переводы Егора Самченко

Внутренний монолог	88
«Воды, в которые завтра я кану...»	88
Планета	89

Переводы Вячеслава Зайцева

Мелодия слова	90
Преображение	91
«В какой-то миг...»	92

«Если любишь»	93
«В природе все обдуманно...»	94
«Моя наука — тишина...»	95
Грань памяти	95

Переводы Мансура Векилова

В свой срок	96
«Гул моторов...»	98
«У юности руки длинны...»	98
«Была б короткой жизнь...»	98
«Когда ты с мыслями своими...»	99
Притяжение	100
Когда гаснет экран	100
«Прервал мои слова ты...»	102
«Остановилось сердце...»	103
Эхо	103
Рифмы	104
Суд совести (из поэмы)	105

Бахтияр Махмуд оглы Вагабзаде
Baħabzadə Bəxtiyar Məhmud oğlu
 РУКАВ РУКЕ

Художник *Н. Бабаев*. Художественный редактор *Н. Рагимов*.
 Технический редактор *Н. Сулейманов*. Корректор *Т. Рустамова*.

ИБ № 959.

Сдано в набор 24. 06. 81. Подписано к печати. 23. 12. 81. Формат
 бумаги 60×90¹/₃₂. Тип. бумага № 1. Печать высокая. Литератур-
 ный шрифт. Усл. п/л. 4,0+7 вклейка. Усл. кр.-отт. 5,10. Изд.
 л. 4,0. Тираж 15 000. Заказ № 1073. Цена 95 коп.

Государственный Комитет Азербайджанской ССР по делам
 Издательств, Полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Гянджлик», Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.
 Типография им. 26 бакинских комиссаров, Баку, улица Али
 Байрамова, 3.

ПОСНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

E-1

502038

ГЯНДЖЛИК
БАКУ
1981

Бахтияр ВАГАБЗАДЕ

Рука в руке

СТИХИ И ПОЭМЫ

1-502038

М. Ф. Ахундов эл.
Азәрб. Республ.
КИТАПХАНАСЫ

ГЯНДЖЛИК
БАКУ
1981

с(1) + В
Аз2
В27

Редактор:

Сиявуш Мамедзаде

Бахтияр Вагабзаде,
В27 Рука в руке. Гянджлик, Баку, 1981.

В 70803
М653(12)—81 99—81 4702060000

Аз2

© «ГЯНДЖЛИК» 1981

Печатается по книгам «Здравствуй Заря» (Баку, Язычы, 1979), «Осенние раздумья» (Баку. Язычы, 1981).

СЛОВО О ПОЭТЕ

Порой, когда одну за другой видишь ухмылки, а не улыбки, когда на первый план вылезает тупое самодовольство, закрывая собой кричащую застенчивость страданий, то может показаться, что никто ни во что не верит. Но этот обобщающий пессимизм так же обманчив, как и обобщающий оптимизм. Реальность — в противоборстве веры и безверия, чистоты и грязи. Простые, почти фольклорные строки Бахтияра Вагабзаде полны двусмысленного понимания жизни:

Кто-то верит, кто-то нет.

Видно, так устроен свет.

Я слышал, как читает свои стихи Бахтияр, и как восторженно внимают им азербайджанские слушатели. Для русского уха азербайджанский язык, даже в момент выражения гнева и презрения, кажется мягким. В самой фонетике заложена вкрадчивая певучесть. Когда слушаешь Бахтияра, не понимая языка, его стихи кажутся сладковатыми. При чтении подстрочников ощущаешь скрывающуюся за красотой языка горечь. Как азербайджанский гранат — пьешь сок — сладко, проглотить вместе с соком кусочек внутренних перегородок — горько. Рядом с очаровательными строками о причине смеха ребенка:

Чему, чему он засмеялся:

земле или небесам?

Мудрец ответить попытался

и рассмеялся сам.

есть и другое — саркастически ядовитое:

и воздух в себя принимаем по капле,
как будто таблетки, что выписал врач.

Резкая самоирония сменяет традиционное воспевание красот природы:

Мы поссорились снова... И как!
Торопливо надел я пиджак.
Респектабельно выгляжу в нем,
но повешен в себе я самом.

В прошлом году в Баку после ознакомления с подстрочными переводами стихотворений этого замечательного поэта, я понял одну истину, что поэзия у него в крови. Он не плавает на поверхности — он погружается в глубинные пласты человеческих чувств.

В просьбе к художнику «Нарисуй меня мною!» Вагабзаде раскрывает именно тот метод отображения действительности, который наиболее близок ему самому. Зарубежное стихотворение, где есть строчки: «Но горько мне было услышать тогда, что родины сытость дороже», наводит на мысль, что иные и внутри родины живут по этому принципу нравственной эмиграции.

Прекрасное стихотворение, посвященное памяти дочери своего товарища и соседа — Алиага Кюрчайлы написано на тонкой грани между бестактной правоучительностью и реквиемом, но эту грань нигде не пересекает. Тяжело полемизировать с девушкой, покончившей с собой от горя после смерти отца. Но Вагабзаде находит точные трагические строки:

Мы оправдали бы тебя, быть может
Когда бы воскресила ты отца.

И все-таки по сравнению с теми, кто «гнушаются своими корнями», Улькер — героиня в своей любви к отцу. «Продлила жизнь короткую Улькер». Видно, такова была сила горя самого Вагабзаде и по поводу первой смерти, и второй, что само его

горе написало это стихотворение, где поэт ни разу не оскорбился на чрезмерной красивости, или дидактике. Редкое по пронзительности стихотворение.

Книга Вагабзаде, несмотря на далеко неравноценные переводы, как это, впрочем, всегда бывает, все-таки состоялась и на русском языке. Ясно, что перед нами незаурядный поэт. А это не так часто бывает и на родном языке. Хочу закончить невольным экспромтом:

Гранат азербайджанский, как награда
сладчайшим соком за горчайший стих.
Перегородки тонкие граната
горчат, но сладких зерен нет без них.

Евг. Евтушенко

Р О Д И Н Е

Мой дом,
моя родина,
клятва и слава,
вручила ты мне на любовь к тебе право.
И встал я над миром,
и понят был веком,
и сам я себя осознал человеком.
Когда я вошел в твою радость и горе —
святыню обрел в человеческом море.
В тебе разглядел я твое отражение,
и было счастливым лица выражение.
И понял я тех,
кто для блага Отчизны
Щадить не сумел бы единственной жизни.
Я понял, что значит:
величие,
сила,
на чем для тебя их судьба замесила.
Я понял,
за что тебя травит бесчестье,

по честных сынов твоих столько! —

не счесть их.

Я понял, что лишь не трусливым, не слабым
любовь ты даруешь свою, даришь славу.

Но слава моя — это ты,

и любовью

я лишь за любовь и отмечен тобою.

Мы любим взаимно,

но — вместо итога:

любовь моя —

больше,

хотя б на немного...

ДУМЫ В ПУТИ

Все едем и едем...

Резины, металла

жалеть не желаем,

терзаем рули...

Но, как человек, и машина устала.

Довольно!

Пусть ноги коснутся земли.

Колеса в движение,

душа в напряженье,

глаза что-то ищут,

в далекой дали...

Но вот отступило,
что сердце томило, —
так хватит!
Пусть ноги коснутся земли.

Из белых истоптанных троп ожерелье —
на шее горы, что висит надо мной...
Мы души свои, наконец, отогрели
живой красотою природы родной!

Бывает, что сердце так ранено словом,
что все изболится, обиду тая,
и тянет его к первозданным основам
всего человеческого бытия.

Не в людях оно, хоть и сильное, вроде,
стремится найти утешенье свое, —
сбегает на вольную волю, к природе,
себя обретая на лоне ее.

Любуемся речкой, дорогою, садом,
и сами — лишь часть мы раздолий родных.
Ты, город, вопросов нам множество задал, —
поможет природа ответить на них.

И ветер погладит прохладно, утешно,
и в музыку птицы сольют голоса,
и глянет с цветов утешающе нежно
прозрачным, сверкающим взглядом роса...

Порой остается добро без награды,
и ложью становится то, чем клялись, —
стараясь забыть лицемерные взгляды,
смотрю на глазастый по-детски нарцисс.

Смотрю я на зубчато-острые скалы,
забыв об оскале знакомых зубов,
и душу, что стужи не раз обжигали,
безбрежной земли согревает любовь.

Смотрю, как над пропастью камни нависли,
не помня о брошенных под ноги мне,
«забудь» — говорят непокорные выси
о вьях, покорных всегда и вполне.

Родная природа, я — часть твоей плоти,
я все-таки сын твой, какой-никакой...
Так дай отдохнуть моей вечной заботе,
Как мать, приласкай меня и успокой!

И ветер погладит прохладно, утешно,
и в музыку птицы сольют голоса,
и глянет с цветов утешающе нежно
прозрачным, сверкающим взглядом роса...

И сердце растет и становится больше,
в большие просторы стремя свой полет.
Поют ему птицы, и шепчешь ты: «Пой же!» —
усталому сердцу, и сердце поет.

Как много покоя в горах и долинах,
как нужен нам этот блаженный покой!
Но даже к природе мы ездим в машинах,
в коробках, похожих на мир городской.

Ну вот — мы в движенье с природою вместе,
и столько бы дать нам природа могла...
Да только мы движемся, сидя на месте,
к тому же меж нами — барьер из стекла.

Машина — коробка
и поезд — коробка...
Нам тесно и душно!
А рядом —
и кусты,
в леса и в поля
вьется весело тропка...
Там воздуха вдоволь,
там нет тесноты!

Порой на бульвар близлежащий, —
не так ли? —
идем, не спеша:
неохота — хоть плачь! —
и воздух в себя принимаем по капле,
как будто таблетки, что выписал врач.

Пусть все, что здорово, а значит, красиво,
устроит сурово нам праведный суд.

Доколе дышать тяжким духом бензина?
Пусть дух валидола цветы унесут!

Несем мы житья городского вериги,
Гуляем в садах книжной мудрости слов.
Давайте листать хоть бы изредка книги
долин и предгорий, лугов и лесов.

...Петляют дороги, подъемы и спуски,
колеса шуршат и рокочет мотор.
А горные тропы рискованно узки,
они — будто робкие пленницы гор.

Пройтись бы ко тропке, по ленте дороги,
в деревню, что к склону прилипла, зайти,
но все поручили уже наши ноги
колесам на все километры пути.

Летаем мы сидя,
и сидя мы ездим,
мы лежа плывем на большом корабле...
Лишь думы и чувства — с природою вместе,
мы ими к родной припадаем земле.

Полет наших мыслей не знает предела.
У сердца на отдых — какие права?
И вот — еще тело устать не успело,
изношено сердце, болит голова.

О, если бы думать нам только о том бы,
что — много житейских забот и хлопот...

Виденье зловещее
атомной бомбы
страшнее инфарктов
нам души гнетет!

...Покинув машину, выходим на волю,
Травинки ступни наши нежные колют,
ступаем на землю, в нее влюблены.
и уши звенят от сквозной тишины.

Дышу, — и во мне что-то тяжкое тает.
Забыл я все хвори, томленье, тоску,
Мне в городе этого так не хватает,
как я ни люблю наш прекрасный Баку!

И кажется, с неба на землю струится
какой-то особенный, трепетный свет.
И думаю: синее небо... и птицы...
И ясно, что здесь радиации нет...

Но что это? Вроде, я стал задыхаться.
И вспомнил, в какое я время живу.
Проклятие атомных бомб, радиаций —
все это — не сон, это все наяву.

Вот бомбы недавно потеряны были,
и тайну сокрыли гренландские льды,
Взвиваются тучи губительной пыли,
цветы опалая дыханьем беды.

Тревожные лица встают перед взором,
и, кажется, близкою тенью кружа,
вползает отравы в тот воздух, которым
невидимо дышит живая душа.

Мой товарищ — художник творит мой портрет.
Я и сам,
как картина, —
напротив.

Он глядит на меня, будто здесь меня нет,
то черкнет, то сотрет, что напортил.

Нет, не сходство одно передать на глазок
мастер умными жаждет руками:
я сейчас для него —
словно камня кусок,
хочет жизнь он вдохнуть в этот камень.

Я завидую пылу чужого огня,
ощущаю кипучую душу...
Ну, а я-то сейчас, —
, кто же я?

Нет меня!
Я — очаг, безнадежно потухший.

Ах, коллега, пусть даже портрет будет мил
в представленье твоём о прекрасном,
ты, художник, натуру свою омертвил
своим взглядом пристрастным и властным.

Цепенею под ним и бездумно молчу.
Даже время застыло, как будто.
Стой, художник! —
тебе бессловесно кричу
я в порыве внезапного бунта.

Если думать и чувствовать нам не дано,
если праздна душа —

жизнь ли это?

Жизнь ли то, что наносишь ты на полотно?
Отвечай!

Ну, а лучше ответа —

о, художник, скорее отбрось свою кисть,
всей душою собой недоволен,
от портрета бессмысленного отрекись,
от лица, где ни страсти, ни боли!

Нарисуй —

когда двигаюсь,

мыслю,

горю,

когда жизнь не идет стороною,

сотвори мой портрет,
где я тоже творю,
нарисуй,
нарисуй меня мною!

ДВОРЕЦ И ЛАЧУГА

Л. В. Корнилову

Лачуга... Скрип прогнувшегося крыльца.
Здесь вырос несравненный Фатали.
Рождаются великие сердца
подчас не там, где все б им дать могли.

Из той лачуги темной яркий свет
всем засиял в округе в добрый час.
Загадки в этом, впрочем, тоже нет:
свет мысли мраком был рожден не раз.,

С лачугой рядом — диво, красота —
стоял дворец, и — странно! — от него
одна лишь растекалась темнота,
какое бы ни шло в нем торжество.

Был хан — богач, а Фатали — мудрец,
грядущему, что виделось едва,
оставил хан роскошный свой дворец,
а Фатали — бесценные слова.

Дворец... Но ханским назову ль дворцом
шедевр, что создан мастером-творцом?

Да, время, небыль превращая в быть,
порою нам в глаза пускает пыль.

Хан только деньги дал и камни дал,
а мастер вдохновенно созидал.
Заказчику внимал он, не спеша,
но вот работал — как велит душа.

О, мастера моей родной земли,
что светлые чертоги возвели!
Как часто и рождались, и росли
вы в нищете лачуг, как Фатали...

Мы поссорились снова... — И как!
Торопливо надел я пиджак.
Респектабельно выгляжу в нем,
но повешен в себе я самом.
Все казалось, разлука легка
и зависит лишь от пиджака:
стоит руки продеть в рукава —
на меня потеряешь права.
Вот как просто!

...Но свет мне не мил,
возле ручки дверной я застыл, —
я на ране сердечной стою
и любовь вопрошаю свою:

для чего быть решительным тщусь?
Все равно ведь сюда возвращусь,
приплетусь, как бывало, чтоб вновь
искушать этим нашу любовь.
Как могла ты, ни в чем не вина,
лишь в любви заподозрить меня?
Это ненависть в душу вползла
и открыла дорогу для зла,
это душу безумную зло
от тебя, от любви увело.
Но любой мой приход, мой возврат
перечеркивал время утрат,
был любовью он, радостью был,
был он мощью того, кто любил.

Я судьбу свою сам раздробил
на две части: любил, не любил...
И борьба день и ночь напролет
меж рассудком и чувством идет.
Насовсем я и мог бы придти,
но мучительно знать мне, — прости! —
что, коль чувством тебя обрету,
будет ум ощущать пустоту.

Вот здесь, по эту сторону Аракса
жил мой отец, жил дед, живу и я.
Но по законам сердца, крови, братства
тот берег — тоже родина моя.
Она пребудет, как была, бесценной.
Я ей принадлежу, ее пою.
Я никогда ее не видел целой,
раздвоенную родину мою.
Лети, моя восторженная ласка!
Моя неуголимая печаль,
струись, смешавшись с водами Аракса,
и к берегу далекому причаль.
Давным-давно на родину с чужбины
смотрел грустящим взором Физули.
А я...
Взираю с родины любимой
на родину,
которая вдали.

Всегда, когда я на тебя смотрю,
такую, как и все другие, вроде,
себе — «какое чудо!» — говорю
и поражаюсь матери-природе.

Ни одного изъяна не найду.
Жалка любая рядом и бездарна.
Но не себе — на радость и беду, —
природе ты должна быть благодарна.

Есть красоты великий, дивный дар.
Одновременно этот дар — и бремя.
От опьянения красотой угар,
и красоту в свой срок унесит время...

Богатство — то лишь в жизни не на миг,
чего ты сам достиг, что сам постиг!

Слова «дружба» не произноси! —
коль слова мои превратно понял,
коль меня купаешь ты в грязи
речи сладкой и с изнанки подлой.

В жизни нам то легче, то трудней,
дни не все подобны фейерверку.
Верный друг моих хороших дней,
ты бедой не выдержал проверку

«Я хочу такую веру, чтоб можно было
голову сложить за нее».

Бехджет Кямал Чаглар

Ты говоришь, что в сердце у поэта
нет веры, —

только я не верю в это! —
что ищет веру, — говоришь, — поэт...

Но нет поэта,
если веры нет.

Друг друга без конца в душе поэта
сменяют жизнь и смерть,
зима и лето,

в ней холод леденит
и жар горит, —

но как без веры он заговорит?!

Быть может, продана твоя отчизна,
и жизнь твоя —

по ней, любимой, тризна?

Но разве нет всеильной, чистой веры
и в скорби этой, горестной без меры?

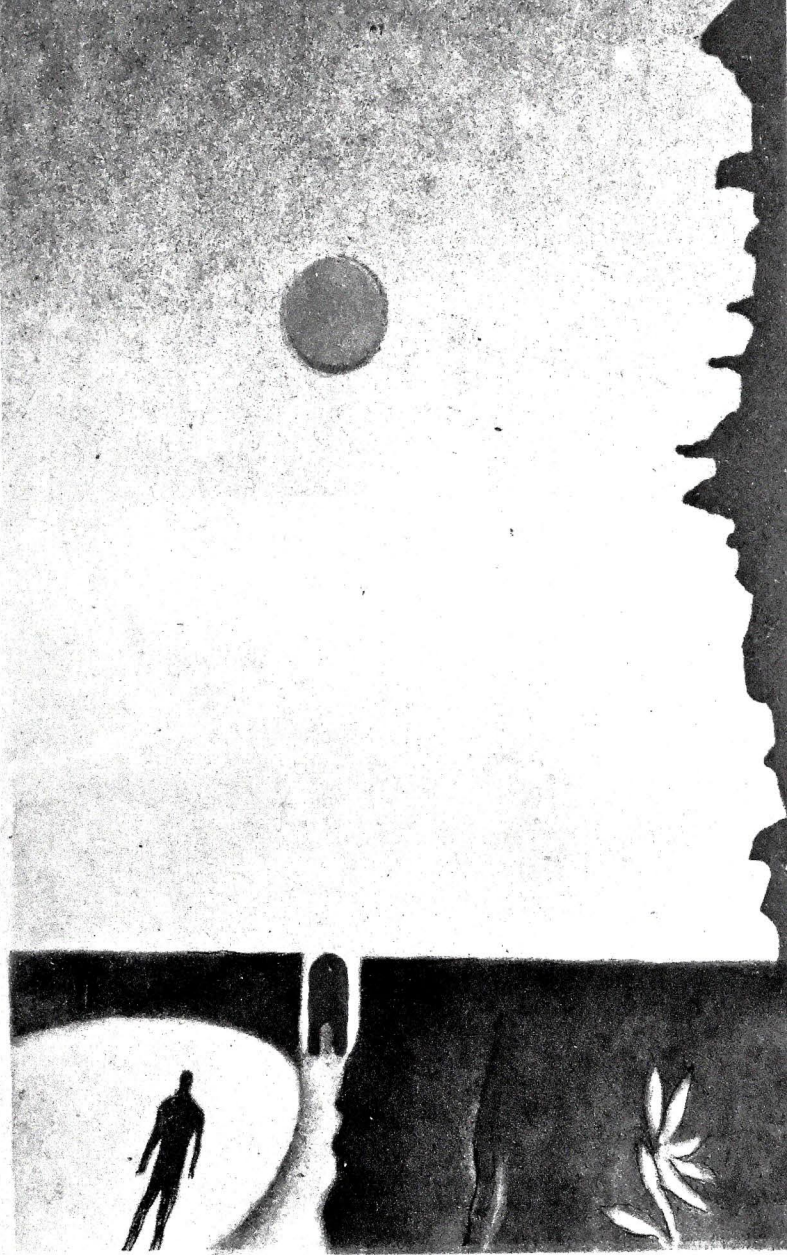
Сталь не согнешь,
а гнется —

сталь ли это?

Без родины

на свете нет поэта!

Коль родина твоя в руках чужих,

что помешает ей войти в твой стих?

Она —

в тебе,

в мечте твоей крылатой,

и, веруя в нее, найдешь себя ты.

Пускай за веру жертвою падут

стихи мои,

и в этом честь найдут.

Пусть пьют из родника высоких чувств!

Я этому и сам у них учусь.

Стихи мои,

вы — должники идеи,

в которой смысл того,

что — для людей я.

Вы — честь,

вы — совесть,

вы, по сути — я,

вы — вера нерушимая моя!

ВОСХОД — ЗАКАТ

Когда под утро, на восходе

ночная тьма уходит прочь,

так еще сумрачно, что, вроде,

закат несет планету в ночь.

Перед закатом — сумрак тот же,

что к утренней заре приник...

Прощаясь с ночью, день итожа,
молчит природа долгий миг.

В тот миг угадка невозможна,
ночь наступает или день...
Молчит природа, и тревожно
безвременья струится тень.

Кто обретает, кто теряет
неясно в тишине, когда
все, что уходит, поверяет
себя идущему сюда.

Молчит природа, чувства прячет
в мгновенья встречи ночи с днем,
хоть, может, уходящий плачет,
входящий — слезы льет о нем.

Быть согладатаем при этом
ей тягостно не потому,
что тьма мешается со светом, —
что разлучают свет и тьму.

ДВИЖЕНЬЕ

Поток, ты в мой ворвался сон,
под тихий свод ночного крова.
Ты — словно сердца долгий стон,
что ищет отклика живого.

О чем ты? — силюсь я понять,
что в нем, в протяжном этом стоне?
Мне днем никак тебе не внять,
твой голос в сотнях звуков тонет.

Высокогорные дары —
в твоей бушующей стремнине.
Поток, ты — как рука горы,
протянутая вниз, к равнине.

И в ночь,

и в день,
весной,
зимой

летишь — как будто бы в сраженье.

Движенье всюду: и в земной
коре, и в небесах — движенье.

Мгновенья, месяцы, года,
студеность вьюги, зноя жженье,
от деда — к правнуку —

всегда,

езде, во всем оно, —
движенье!

Вершу движение свое
и я...

И жизнь без пораженья
из бытия в небытие —
и в бытие —
вершит движенье!

РАЗГОВОР О ХЛЕБЕ НА ЧУЖБИНЕ

Мне душу один разговор истерзал,
и помню его я донине.
Рабочий из Турции вот что сказал
мне в Западном как-то, Берлине:
«Домой возвратиться?
Мой дом — жалкий хлев.
Тащить туда тощее тело?
Где сыт, там и родина!
Сытный здесь хлеб,
и нечего дома мне делать!»

Он так хохотал, что на миг я оглох,
стал, как от пощечины, красным.
Да, хлеб здесь, конечно, довольно неплох,
затак не дают его праздным.
Я знаю, что хлеб этот стоит труда,
и труд уважаю я тоже...
Но горько мне было услышать тогда,
что родины
сытость дороже!
Как много на этом сломалось судеб,
разбилось, распалось на части.
Ты хлеб здесь имеешь...
Но счастье — не хлеб,
Не в хлебе,
а в родине — счастье!

Кто горькие слезы, —
скажи, —
ей утрет,
согреет своею любовью?
Там, дома душою болеет народ.
Не стало твоей это болью!
Твой прадед и дед покидали ее
в минуты беды и ненастья?
Ты хлеб здесь нашел...
Это — счастье твое?
Быть вместе с народом, —
вот счастье!

Когда б ты посмел бросить родины честь
собаке дворовой бесстыже,
собака — и та устыдилась бы есть
то блюдо ужасное!
Ты же...
Жуешь честь отчизны, как будто траву,
тебе — было б брюхо набито!
К тебе я взываю,
тебя я зову, —
простится отчизной обида,
вернись!
А не хочешь —
тебя проклянут
земля твоя, воздух с водою
за то, что был сыт, и одет, и обут,
когда они знали с бедою.

«Где сѣт, там и родина...»

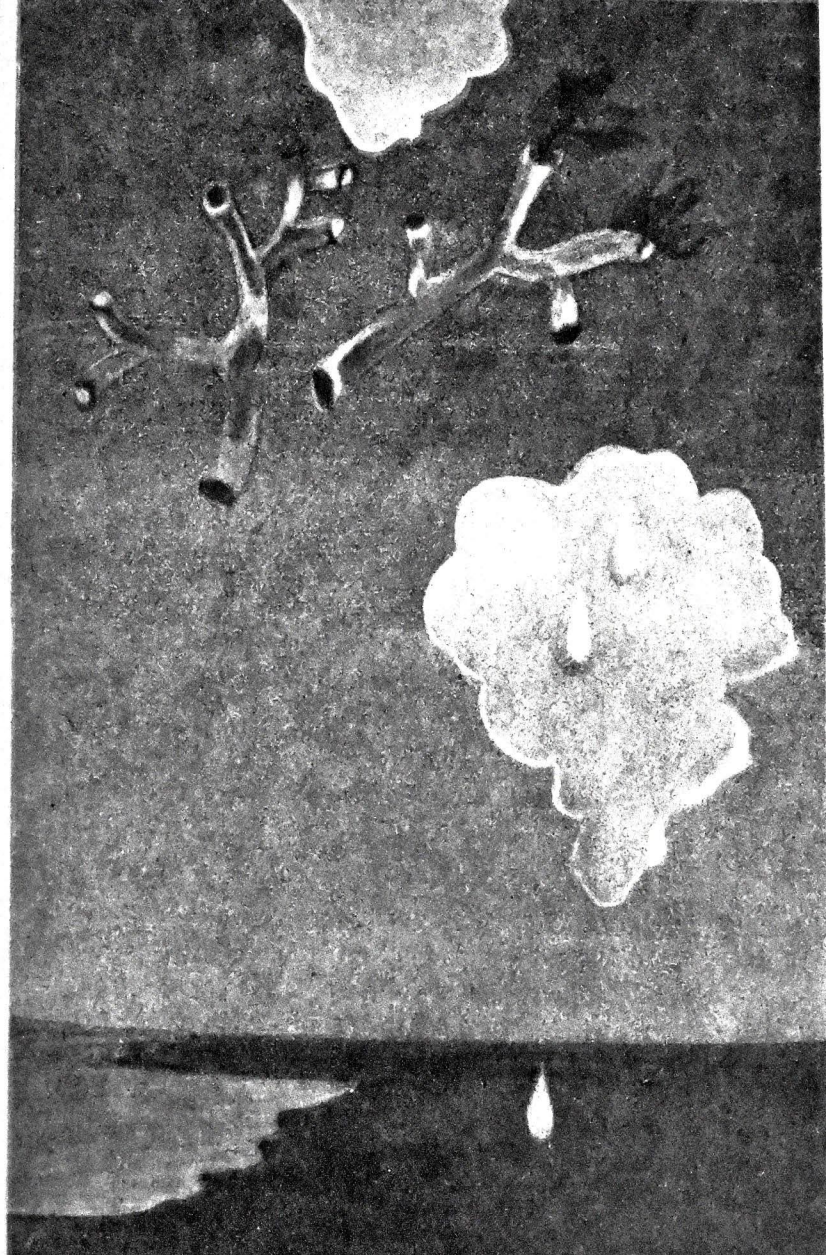
Хлеба кусок
стал платой за край твой за отчий.
Останешься ты, если не без усов,
то без бороды, между прочим...

Где сердце твое? — говорю я, хотя —
нег сердца, истлело! — я знаю,
Лишенное матери, злое дитя,
опомнись, тебя заклинаю!

Ты все колыбельные детства забыл,
что слышал под кровом родимым.
Ты жиром от сытого хлеба заплыл...
Мы живы не хлебом единым!

Стоит гора. Такая высота!
Иди, и о дороге позабудь:
тебя к вершине приведет мечта,
коль ты из сердца начинаешь путь.

ЛЕГЕНДА ОБ УЛЬКЕР

Памяти дочери поэта
Алиаги Кюрчайлы, посягнувшей
на свою жизнь после смерти отца.

Миг потрясения сердца не царапнул,
а сжег...

Беда, упавшая с небес,
всю жизнь сожгла,
как молния внезапно
обрушившись, сжигает целый лес.

Коль есть всему цена, то где, какая?
Беду ты сотворила из беды.
Не воскресила ты отца, толкая
Себя в петлю холодную воды!

В воде сгорев, отвергла все на свете,
устав от чьей-то сытой суеты.
Отец не разрешил бы этой смерти!
Кому себя пожертвовала ты?

Ты думала — что он тебе предложит
Мир без отца — лишь муки без конца?
Мы оправдали бы тебя, быть может,
Когда бы воскресила ты отца...

Во имя жизни умереть — вот подвиг,
а ты во имя смерти умерла,

но мало кто себя до бездны поднял,
как ты себя предсмертно подняла!

И ты, водой, как саваном, оделась
чиста перед лицом небытия.
Твоя такая гибельная смелость,
меня перевернула, дочь моя.
Те жалки, кто гнушаются корнями
и нежатся в тени своих отцов...
Ты, дочь моя, возносишься над нами
до мужества, свободного от слов.
Отец твой пел и думал не бесследно,
и Родина услышала певца.
Ты не стихами, а своею смертью
возвысилась до уровня отца.
Кто знает цену радости последней?
Никто! У жизни нет весов и мер,
но жизнь отдав отцу, как дар посмертный,
продлила жизнь короткую Улькер...

КОЗЕЛ — ВОЖАК

Над стадом пыль взлетает
прямо к богу!
Козел-вожак, воинственно рогат,
покашливая важно всю дорогу,
на пастбище ведет, ягнят.

Пастух-бедняга за своей отарой
бежит вдогонку...

Что ж, беги, беги!
Там, где ведет козел,
хромой и старый,
нет для овец доверчивых беды.
В глазах отары выглядит геройски
ее вожак с репьями на груди.
Отара мне напоминает войско
с плешивым полководцем впереди.
Все пропасти обходит стороною
козел,

идя по ровному пути.
Все овцы целы за его спиною,
и могут мирно к пастбищу дойти.
Но вот что странно —

возле скотобойни
козел хитрит

как будто ни при чем.
В горах овец спасавший так достойно,
становится он ловким палачом.
Там кровью пахнет...

Овцы, жалко бляя,
вдруг пятятся...

Смятение в рядах..
Козел идет вперед,
и вдруг правее
сворачивает,
всех других предав.

Вожак-предатель,
с гордостью идущий,
в горах — герой
а вот внизу — не тот.
Козел,
овец на пастбище ведущий,
на скотобойне их на смерть ведет.

ЗАМОК

Ревнуешь ты
ко всем,
и ко всему!
Подозреваешь ты
на всякий случай.
К чему такая ревность —
не пойму.
Ты ни себя
и ни меня не мучай! —
— Но я люблю...
Да, ревность велика,
но в ней — любовь...
Грех — ревности пугаться!
Сама огромность
тяжкого замка
всегда
лишь от огромности богатства... —

ИЗМЕРЕНИЕ

Стоит месяцев двухсот
Двух бровей твоих разлст.
День иной дороже года,
Дня иной не стоит год.

(Из народных баяты).

За десять жизней не отдам одну,
Познавшую большую в глубину,
Короткую, но видевшую бездны.
Не говори о сроках наперед!
Пока сквозь сердце время не пройдет,
Его цена и мера неизвестны.

Неужто день и вправду равен дню?
Кто измерял неделю неделю?
Рассвет я утром звать повременю...
Так чем же день итожится на деле?

Ночь... Время совершает свой обход.
Вошло в дома, и тенью не колыша...
Вот — два жилища под единой крышей,
В одном из них старуха сына ждет...
И матери бессонные тревоги
Туманные осыпали дороги.

«Вернется он... Вернется... погода...»
А за окном немолчный шум дождя...

И каждый шорох старую тревожит,
Сомнений рой седое сердце гложет.

«А может... Что-то с ним произошло?»
Задумалась. Вдыхает тяжело...
«Что говорю?! Отсохнит мой язык,
Еще беду накличет злой язык!»

Летит воображение, как птица,
В неведомый пугающий простор,
И на часах остановился взор,
И время еле-еле волочится.
Ночь тянется, не иссякая, словно
Похитила живое время дня.
Конечно, это ночь во всем виновна...
«Изводит ожидание меня...

Скорей бы рассвело... Скорей бы день
Рассеял дум безжалостную тень!..
А за стеной —
двух любящих умчали
Течения и валы мечты одной.

Все годы ожидания и печали
Исчезли под бурлящей быстринной.
И просквозивший тишину, как тайна,
Признаний шепот — с ночью заодно.
И ночь собой гордится неслучайно —
Соединить два сердца ей дано!

Но, отстранив забывшиеся руки,
Вдруг девушка очнулась, говоря:
«Вставай, любимый! Пробил час разлуки!
Как быстро разбудила нас заря!»

...В одном жилище — бремя ожидания
Медлительному времени волочь.
В другом же — время радостью свиданья
Подстегнуто, и вскачь промчалась ночь.

Так пусть себе мгновений вереница
Находит меру, свой направив ход!
Бывает день, что дольше года длится,
Короче дня порой бывает год.

ТОСКА ПО ВЕСНЕ

Я проклинал и дождь и холод вьюг.
И по весне скучал, томясь от стужи,
Но почки на ветвях заметил вдруг,
Нагнулся — и фиалку обнаружил.

И кинулся к столу...
Уже давно
Я не писал... И чувства были немы.

Дверь затворив, завесивши окно,
Услышал я дыханье вечной темы.

И написал:

«Привет тебе, весна!

Приди, приди, как строчек вереница,
Душа, твоим дыханием полна,
Тебе поможет в песню перелиться!»

Тут стих затих...

И, рифмы вороша,
Я зря старался — не добился дела.
Душа молчит, не двинулась душа,
И песней стать

весна не захотела.

Вдруг соловья роскошная рулада,
Переливаясь, донеслась из сада,
К весне взывая, чью любовь привлек
Еще не распутившийся цветок,
Я таю от мелодии палящей...
Закрыв тетрадь...

Стою в садовой чаще...

И сеется весна зерно к зерну,
И почками все ветки запестрели.
И чудится, что в сердце мне весну
Просыпал сумрак соловьиной трели.

Что значит соловья влюбленный пыл,
Что он томящей песнью нам внушил,
Какой напев нечаянно им начат?
Цветы он славит иль грустит по ним?..
Не воспевают соловей — он плачет,
И нас терзает, мукою палим.

Оставь перо, душа моя, постой!
Тревожит боль — но прихоть сладкогласна.

Беспламенная песня — звук пустой,
Ничьей души зажечь ей не удастся.

Какую память о весне верну
Глухому безучастью очевидца?
Затем, чтоб слово обратить в весну,
В тоску по ней я должен превратиться.

КРЕПИСЬ, МОЕ СЕРДЦЕ

Любовь моя стала седой... Ну, и что же,
Ведь слезы в ее не иссякли очах.
Старею, но верность моя все моложе.
Все тверже,
И пламень былой не зачах.

Любовь не стареет,
душа не устала,
Хоть все, кто любви обретал благодать.
Под ревности дудку плясали, бывало,
Чтоб сетовать горько, и слезно страдать.

Крепись, мое сердце! Терпенье — спасенье.
Коль дерево стужей прожгло до корней,

Ему не воскреснуть порою весенней.
Что в жалобах проку!
Терпенье — верней!

В душе половодье бушует доньше...
Когда бы не тихие слезы ключа,
Что плачет немолчно у горной вершины,
Потоки не мчались бы в дол, хохоча.

Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ...

Я хочу летать, над страной летать,
И, хоть крыльев нет, все же на лету
Я смогу весь мир — шар земной — обнять;
Дарит мне любовь дерзкую мечту!

А любовь парит, распахнув крыла,
И душа моя силу обрела,
Жизни глубину узнаю, любя.
Так прозренья свет дарит нам любовь,
Чтобы я постиг самого себя.

Видеть я хочу только с высоты
Нынешний простор, прошлый день Земли...
Чтобы оглядеть крупные черты,
Чтобы из очей мелочи ушли.

Вслед мечте лететь, и волной молвы
Там, в грядущем дне, в звонкой вышине,
Окликать себя... Отзовитесь вы!
Мне тесна земля, дайте небо мне!

Я летать хочу — крылья по плечу,
И столетья ритм создан для высот.
В небывалый мир, в сказку полечу —
Горести мои ветром отнесет.

РУКА В РУКЕ

Вновь — благодать неповторимой встречи,
Навес... Над головою — виноград.
В густом саду цветов пылают свечи,
И бабочки порхают и парят.

Тычинки манят пьяным ароматом,
Горит роса на желтом их венце,
А лепестки в арык летят по скатам,
И капли расцветают в озерце...

На склонах солнце распустило косы,
Потоком прядей обливая луг.
И слышен утра лепет стоголосый —
Мне листья машут, словно кисти рук.

Мы — цепь одна: и бабочки и всходы,
Земля, деревья и цветок в реке.
Как хорошо, что с Матерью-Природой
Пока мы вместе, и — рука в руке.

УТЕШЕНИЕ

Поэту Гусейну Гусейнзаде
(А р и ф у)

Ты не смог мне об участии сына сказать,
Не окончил ты фразы — умолк телефон.
К свадьбе сына готовился ты, но позвать
Должен был на поминки, бедой опален.

Сына — ростом он был уж с тебя — потерял
Для того ль, чтоб с тоскою на рослых смотреть?
Неженатого сына, скорбя, потерял
Для того ль, чтоб на свадьбах печалиться впредь?

Все горит — не иссякнет пожарища пыл,
Мы бессильны пред этим неправым судом...
Для того, чтоб ветвиться, ты сына растил,
Не затем, чтоб казниться во мраке седом.

Что сказать нам? Безжалостный рок молчалив,
И в вопросе — ответ, и в ответе — вопрос.
Сына смерти отдал ты, тоску получив,
Плоть и душу отдал — взял отчаяние слез.

Горе есть — как на дереве вспышка огня,
Дни пройдут, и ожога сотрется клеймо...
Горе есть, чей пожар в буре каждого дня
Раздувает без устали время само.

Безграничное горе огнем занялось,
Наши горести вдруг подпалив, как траву.
Рана мира болит, и пронзен я насквозь.
Как иначе? Ведь я в этом мире живу!

И какой я поэт, если друга буду
Понести, как свою, сил в душе не найду?

Я делю твое горе и спорю с ним, брат,
Хоть ничем не восполнить утрату твою.
Знаю сам, что не тебе в этой горести, брат,
Утешенье дарю, а не сына даю.

Что участие — совет не поможет ничей,
Ты под ношей ужасной от горя исчах,
Пусть подставят здесь плечи хоть сто силачей,
Все же тяжесть беды — у тебя на плечах.

Полно, брат мой!..

Отпущенных дней череду
Ты вдохни, как в детей, в народившийся стих.
Жизнь Арифа, оборванная на лету,
Пусть продолжится в песнях немолчных твоих!

ГАРА — ЗУРНА¹

Алафсару посвящаю

Вновь гогочет, хохочет гара-зурна.
Журавленок отставший
Крылами взмахнул
И нагнал свою стаю...
И радость бурна,
И во вражьих ушах —
Только хохот и гул.
Мне припомнился прашур-огуз
Из далеких веков,
Изгонявший моих незнакомых врагов...

* * *

Запоет, как бывало, гара-зурна —
В жилах кровь пробежит, словно песни струя,
Тронет пламенем сердце, огнем опалит,
И, волнуясь, заплещут степные края,
Где неслись аргмаки, сбиваясь с копыт...
Поплывут в хороводе «яллы»²
через горы умчавшихся дней

творцы,
исполины
истории славной моей,

¹ Гара-зурна («черная зурна») — один из древнейших народных музыкальных инструментов.

² Яллы — азербайджанский хороводный танец.

Здесь — хребты Ала-Дага, а там — Агры-даг,
И страна пробудилась, и — в трепете враг.
Вот Бамсы Бойрек наточил свой клинок,
Начинает свой сказ

седоглавый Союм,
И над башнями факелы он зажег.
Вьется дым алачигов¹, доносится шум.
Вот настроил свой саз достославный

Коркуд.

Грозный хан Баяндур² оседлал скакуна.
Чужеземцы-разбойники в страхе бегут
Из пределов отчизны,
Гара-зурна!
Кличем битвы рожден твой свирепый напев,
Как призыв Казан-хана, гремишь, заревев...
С обнаженным мечом шел герой на врагов!
Ты окликнешь — и разом расколется тишь.
Ты — мой голос,
Дыханье мое,
Ты гудишь,
Словно вихрь,
Что летит из-за гребня веков!

¹ Алачи — кибитки.

² Хан Баяндур — герой народного эпоса «Де-де Коркуд».

КОЛЫБЕЛЬ

Зейналу Мамедову,
другу моему

Вновь я приехал в родное селенье —
Новые улицы, дух обновления...
И в очагах баснословных времен
Новый огонь в эти дни поселен.
Мысли мои вдохновенно парят,
И новизна меня околдовала...
Все же прикован,
как прежде бывало,
К зыбке старинной
Мой пристальный взгляд.

Зыбка... Далекого детства примета,
Припоминанье младенческих дней...
Что деревянная люлька эта
Вдруг всколыхнула в душе моей?!
Некогда в ней, расписной, деревянной,
Мать засыпала под зоркой охраной,
В зыбках лежали отец мой и дед...

Мир колыбельных, мир первозданный,
Первовселенная канувших лет!
Первый мой дом и дороги начало,
Вечно взмывающий круг бытия...
Если же мать колыбель не качала,
Чуял я — стража уснула моя.

Что же дыхания матери слаще?!
Пил я его — насладиться не мог...
Первой отрадой мне был звенящий,
К люльке подвешенный погремок.

Мнилось — вокруг взлетающей зыбки
Мир и вращается легкий, и гибкий,
Целой вселенной ведь были досель —
Мать, погремушки и колыбель.

Помню: на левой моей руке —
Бусинка черная против сглаза.
Рута сухая —

да мынет зараза! —
Рядом с кораном.
Невдалеке.

В люльках всходили
Жизни побеги,
В них засыпали, грезя светло,
Наши Сабиры, Наби¹, Бабеки,
Те, кто мечом побеждали зло.

В люльках Любви благодатная сила
К нам прикоснулась лучом, как светило,
Первый урок был заучен легко:
Что за блаженство младенцу дарило
Матери теплое молоко!

¹ Г а ч а г Н а б и — легендарный народный герой.

«Я пою тебя, «лайлай»¹.
В розах нежных утопай.
Там, где роза золотая,
Сладкий сон найди, узнай!»
В душу струились слова баяты,
Музыкой речи сладостно-нежной,
Мы в колыбели испили из вешней,
Из родниковой ее чистоты.

Пели ключи,
Клокотали, кипели,
Били из теплого лона земли...
Лад обретали у колыбели
Песнь Узеира,
Стих Физули.

Песня струилась, шла водопадом.
Но сквозь туман
С музыкой речи,
с каждым ладом
В душу вливался Азербайджан.

...Вслед за мечтами мы шли по свету,
Нас разлучили дороги судьбы,
Но не забыли мы зыбку эту,
Первоначало нашей тропы.

¹ «Л а й л а й» — «баю-бай».

² Узеир Гаджибеков — выдающийся азерб. композитор.

За переменою — перемена.
Мир обрастал городами, людьми
И становился мал постепенно —
В люльках окреннувшим Насими¹.

Родину, ветер любимого края
В душу несли колыбельной струи.
Зыбка — исток... Колыбель покидая,
Миру откроем истоки свои!

КАК ВОДОПАД ГОРАХ

Не одну — все краски эти я люблю,
Не цветок — венок соцветий я люблю.
Покорить не холм, а гору я хочу,
Жить с причастностью к простору я хочу!

И заря прекрасна в небе
и закат.
Жизнь — цветник великолепий,
боль утрат...
Жизнь — арена, поле брани,
Только доблесть дорога!

¹ Перекличка со знаменитыми строками Насими:
«В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вме-
щусь».

В безмятежном океане
Разве сыщешь жемчуга?

Жаль, порою на арене
Кто-то бойкий
от боренья
Уклониться норовит...
Мол, спуститься помаленьку
Со ступеньки на ступеньку, —
Голова не заболит!

Но страдания обучали
Нас блаженству бытия.
Радость — спутница печали,
Все вместит душа твоя!

Всюду — смешанные чувства,
Без волненья сердце пусто.
Радость ищешь ты, и вдруг
С горестью столкнешься, друг!

Я своей вражды не скрою
К тем, кто холм зовет горою...
«Ладно, дайте уж свое
Как-нибудь дожить житье!» —
Поговорка лизоблюда...
«Как-нибудь!» — скажи, откуда
это слово в словаре?
«Как-нибудь!» — что это значит?

Жить так жить!..

А кто-то прячет
Лик от солнца,
Спит в норе.
Ищет верного приварка,
Безопасные места,
И не скажет он спроста,
Холодно сейчас иль жарко.

Так довольствуясь трясиной,
Всех пугая и боясь,
Чуткий выводок гусиный
Лишь расплескивает грязь...
Все погоды ждать у моря,
Сидя на своем дворе,
То дождю, то снегу вторя,
То закату, то заре...

Немы чувства, мысли плоски,
Безголосы подголоски...
Вы, холодные дельцы,
Жили, словно мертвецы,
И слонялись и шумели,
И куда-то шли без цели...
Шли вы, делая круги,
Под пустыми небесами,
Без души, и только сами
Слышали свои шаги.

Так тянулась жизнь тягуче
И, страшась расстаться с ней,
На сияющие кручи
Не погнали вы коней!
Хоть мужчинами вы слыли,
Мужества не знали вы.
Вот лежите вы в могиле —
Ни печали, ни молвы!
Были вы давно мертвы...
Коль чадил ты, чуть маяча,
Не заметят, что угас.
Похоронят и без плача
Тех, кто умер сотни раз...

Сотни чувств в одно мгновение ощути в своей груди,
Слез не сдерживай в смятеньи, смех по капле не
цеди!
Если плач из сердца рвется, будут слезы горячи.
Вдоволь пусть душа смеется, веселишься—хохочи!

Не вставая на колени,
Одолею крутосклон!
Что мне — отмели томленье,
Только в бурю я влюблен!

Пусть, накрыв цветенье луга,
Хлещет дождь и лупит вьюга,
Жизнь такая мне мила...

И не сумрак тихой кельи —
Буйный клекот и веселье
В бой летящего орла!

Ручейком бежать струистым
в цветнике я не хочу.

По земле пройти туристом
налегке я не хочу.

Водопадом быть на скалах мне милей,
Быть, как россыпь маков алых средь полей!
Океаном волноваться,
В небесах гореть звездой,
Вольным ветром в поле мчаться,
Прорасти в сердцах мечтой!

Не одну — все краски эти я люблю,
Не цветок — венок соцветий я люблю.
Покорить не холм, а гору я хочу,
Жить с причастностью к простору я хочу!

Ж А Ж Д А

Я с мечтой о вершине родился на свет,
С неотступной мечтой, что томила меня.
Жажду жить и любить, и найти свой ответ
На загадку любви и летящего дня.

От макушки до пят — весь я в этой мечте.
Пусть же будет моим этот вечный полет!
И поверив своей лучезарной звезде,
Два зрачка широко я раскрыл для красот.

Восхищенной душою тянусь я к цветку.
Недоступность его и влечет, и томит.
Что поделать! Насытиться я не могу:
У земной красоты соблазнителен вид.

Жду весны, чтобы вновь насладиться весной.
Но заботы, как шквал, захлестнули меня.
И опять не хватает минутки иной,
Чтоб взглянуть на цветение вешнего дня.

Отчего исторгается вздох из груди?
Видно, так и не жил на земле этой я.
Просто, сладостным сном утешался в пути,
Вечно жаждал глотка — у истока ручья.

СЕДИНА

У тебя я заметил седой завиток.
...И с предгорий повеяло духом осенним.
Бремя жизни... Дороги усталый итог...
Из далеких садов — птиц доносится пенье.

Седина — от любви неудачливой — боль,
И страданья, и жалобы из-за меня...
Седина, как трава, где метался огонь,
Это жажда дождя, что прольется звеня.

Седина — дней твоих журавлиный косяк,
Улетевших из жизни нерадостных дней...
Седина — это горя лихой полумрак.
Это белые нити печальных теней.

Седина — все лишенья, невзгоды твои,
Как сожженное поле великой тоски.
И несчастий — несглаженные колеи.
Как листья на ветвях — опалились виски...

О, умели в печали печаль мы украсть,
И к мечте мы мечту ревновали тогда...
И весной холода ударили не раз,
Почки чувств — распускает зима иногда...

О, как стонут мечты и как рвутся на свет!
Красок пестрых теперь неоглядный разлив.
На осенних ветрах, как печальный привет,
Стынут почки, доверчиво листья раскрыв.

Да, сродни этой осени нынче и мы.
Те ж сердца... Но метели над миром поют.
Как деревья осенние обнажены,
Так и чувства теряют окраску свою.

Мы деревьям безлистным сегодня сродни.
Покидают их птицы, вспорхнув, навсегда.
Разрослись мы! Мы нынче уже не одни!
Сотни нас проросло сквозь былые года.

Эта ветка — крива, эта — прямо растет...
И гнездо на макушке чернеет едва.
Холодает. И к осени дело идет.
Листья жухнут. Седеет моя голова.

МАСТЕР АЛИ

Посвящается Али Ахмедову —
сапожнику Бакинской филармонии,
изготавливающему специальную
обувь для танцоров.

Как мудр его язык!
Добро — его зарок!
А цель его — любовь.
Ее дела живые...
Обувщику Али
Отчизна — это бог!
А ремесло — алтарь.
Друзья — мастеровые.

Врагами мнит он тех,
В ком не играет кровь!

В сапожной будке свет
От дорогих портретов —
Сабир и Низами
Беседуют с ним вновь.
Душа его хранит
Бесценность их заветов.

Вмещает грудь его
Вселенную стихов.
Он учит петь других
Мудрейшие газели.

А ненависть его
«Ходячих мертвецов»
Как пуля, поразит,
Дошедшая до цели!

Он саз своей души
Воспламенил мечтой.
Поэзией живет,
За муз переживает.
Он шилом обувь шьет,
И острое словцо
Спесивцев и невежд,
Как шилом прошивает!

Безудержной мечтой
Простое ремесло
Возвысить он сумел.

Рука — всегда в работе,
А думы
Далеко,
За тридевять земель,
Где Лондон и Париж
В людском круговороте.

С танцорами и он
Проносится в мечтах...
И туфли, что он шьет
По сценам мира пляшут!
На языке «джанги»
Высокий их полет.
И про полет души
Движенья их расскажут.

Так за стежком — стежок,
Растет его мечта.
Отражена душа
В его игле умелой.
На сценах дальних стран
Не обувь пляшет та,
А сам парит Али,
Своим увенчан делом!

Морщины — прочь с лица,
Благословил Али
Танцора яркий дар.
И в будке этой малой

Овации гремят,
Рожденные вдали.
И слышится Али
Восторг их небывалый.

Связала дни его
Не приказная нить.
В нем, источая свет,
Горит душа живая.
И тот, кто обувь шьет,
Прославлен может быть,
Сыновний долг святой
Отчизне отдавая!

И С К

Ты по-своему права,
Тайная моя печаль,
Справедлив твой спрос иль нет,
Беспристрастен или скор...
В притязаниях любви
Нам любви самой не жаль.
Я и сам бы не смягчил
Снисхождением укор.

Все, что требуешь — твое!
Все оплатится сполна.

Иск любви неумолим,
Душу требует с меня.
Лишь тебе принадлежать,
Лишь тебе, она должна,
Отрекаясь от мечты,
И призвание кляня.

Иногда и малый холм
Может гору сокрушить,
У горы в груди миры
Сокрушаются порой.
То, чему явиться в мир,
То, чему на свете жить,
На рождение и жизнь
Прав лишается порой.

Ищешь прав... Ну что ж, законно.
Где любовь — права найдутся.
Но и, правая бесспорно,
Не спеши рубить плеча.
На суде поспешном вряд ли
Оправдания дождутся
Обвиняемые грезы,
Подсудимая мечта.

Жертвы до небес возносишь,
Ожидая возмещения.
Так, скажи — любовь ли это

Иль затмение любви?
Ну, а если хоть однажды
Взвесить все без возмущенья,
Положить мой долг на чашу,
А потом
Права твои?..

Боль моя и исцеленье!
Я люблю тебя безмерно..
Где отравы, где отрады, —
Все сплелось — не разрубить,
Так, блаженствовать и плакать
Нам положено, наверно.
И не счастье ли — спрошу я —
На земле — уметь любить?

НЕВЕСТАМ

«Пусть в качестве приданого наших
девушек-невест служит «Пятерица»
Низами»

И з м и с ь м а.

Давайте же вручать
В счастливый день —
Невестам
«Пятерицу» Низами.
Как дух творца,
Как звук его и тень,
Как вечное единство меж людьми.

О, не кривите недовольно рот,
Отцы и мамы!
В том приданом — мудрость!
В нем — наши корни.
Род наш, и народ...
А что в коврах и мебели?
Лишь — скудность!

Пусть вещи пригодятся.
В обиход
Их пустите, когда настанут сроки,
Но в тяжкий час,
И неурочный год
Вы вспомните урок творца высокий.

Та книга — пламя в очаге родном,
И дух наш,
воплотившийся в слово.
Невеста!
Если встретишься со злом,
Прочи дастан про «Доброго и Злого».

И ты поймешь: как ни лютует зло,
Но есть добро.
Оно молчит сначала.
Но в хитрости — и злу не повезло!
А справедливость
Зрела и крепчала.

Злой Доброго жестоко ослепил,
Но гибельна жестокости дорога.
Не плачь, когда и свет тебе не мил,
И правота безмолвствует до срока.

Верши свой путь — высокий и прямой.
Коль меч беды повис над головою.
Не урони щита неправотой,
Не сей разлад
Меж правдой — и собою.

«Хамса» гласит:
Как ни всеильно зло,

¹ «Х а м с а» — «Пятерица».

Оно в итоге не избегнет краха.
Когда тебе придется тяжело,
Пусть добру сопутствует отвага.

Будь, как Фитнэ,
Свершеньем изумив,
Спесивым
Преподай урок наглядный.
И безграничной верности мотив
Из уст Лейли
Услышь, как зов отрядный.

У матерей своей седой земли
Ты стойкости учись.
И будь опорой.
Люби ты — как Ширин,
И как Лейли,
Не расточай дней молодости скорой.

Не преподавал ли свой урок тебе,
И не зовет ли силою примера
Седой поэт — устами Нушабе
Развенчивая силу Искандера?..

Живи, живи, — но знай — зачем живешь?
Что из того, что даром жизнь досталась?
Цени ее сокровища и множь,
Иначе ждут раскаянье и жалость.

У жизни свой неумолимый счет,
И, тратя щедро золотое время,
Спроси себя — какой же добрый исход
Явило в почву брошенное семя?

Как жалок и несчастен человек,
Что променял свою судьбу на злато.
Он счастье упустил свое навек,
Он — прогадал,
Но жизни нет возврата...

Уроки Низами и Физули
Постигнем же для доблести и чести!
И книжный свод, с поклоном до земли,
Подарим, как приданое — невесте!

Каждый день я тебе звоню...
Как мечте моей — вылиться в слово?
Пять и шесть раз звоню на дню,
Чтобы голос услышать твой снова.

Сотни дней, затаивших тоску,
Простирают зовущие руки.
Как вложить в телефонную нить я смогу
Бесконечную горечь разлуки?

Говорю я с тобой, а душа
Словно мост между двух побережий.
Каждый вздох твой ловлю, чуть дыша,
Голос твой, и волшебный, и нежный.

Лишь повешу я трубку — и вновь
Мы разъяты безмолвием прежним.
Как продлить эту музыку слов,
Упоение голосом нежным?

Не наслушаться мне никогда
Этих звуков, желанных и тайных.
Притянули к себе провода
Их дрожанье на нотах случайных.

Говорим, я не помню, о чем...
Окунаюсь в волшебную бездну,
Чтобы в голосе милом твоём
Раствориться,
 истаять,
 исчезнуть...

Что хотел я сказать — позабыл...
Я и сам — словно звук бестелесный,
Оседает словесная пыль
В оболочке своей бесполезной...

ЛЕТИТЕ, ПЕСНИ МОИ...

Памяти Мусы, Джалиля, поэта и героя.

О, Физули, без слез нельзя достичь радости.
Без капли дождевой, заточенной в раковине,
жемчужине не быть.

Ф и з у л и.

I.

Он смог к живым пробиться
И смертью смерть поправить...
Листаю «Моабитскую
Тетрадь...»
Исторгнутые болью
Жемчужины — слова,
Обретшие на вечность
Высокие права.
И кажется живой
Здесь каждая строка
В них слышится душа
Погибшего поэта.
Страдания тяжки,
Зато — тверда рука,
Зато душа полна
Достоинства и света.
Есть в муках и беде
Проверка на износ.

Он верю своей
Превозмогал страданья.
Он креп в святой борьбе,
Мужал,
Мудрел,
И рос.
И заносил в тетрадь
Надежды и желанья.
Он пережил себя.
И вдохновенье билось
Как пульс в крови,
как зов
Безоблачного дня!..
Вот книгу я закрыл,
Но сердце — не закрылось.
Огнем твоей души
Ты опалил меня.

II

Спокойно и легко
В уютности квартир
Мы пишем...
Но сердца
Порой молчат невольно.
Бахвалимся собой,
Слова стерев до дыр,
Спокойны наши дни.
И мы вполне довольны.

Квартира и душа —
В спокойной тишине,
А хлесткие ветра
Бушуют в отдаленье,
Теплы у нас полы,
Тела теплы вполне.
Но души — холодны,
Как мокрые поленья.

Над плоскостью стола
Нависла наша грудь.
Мы пишем,
Чтоб писать...
Но восстают страницы!
И тяжело перу
Вести чернильный путь,
И умирает стих,
Едва успев родиться..
Чьи уши поразит
Подобное письмо?
Надсадно создавать
Стихи —
чего же ради?
Тем строчкам — ни души,
Ни крыльев не дано.
Они не принесут
Ни боли, ни отрады.
Железо докрасна
Не раскалив в огне,

Нельзя согнуть никак
И молотом поправить.
В горниле высших чувств
Поэзия грядет,
Чтоб время победить,
Чтоб жизнь и честь
Восславить!

О друг мой молодой,
Для творческой души
Ни храмов не ищи,
Ни тишины утешной,
Когда душа полна
Высокого огня,
Она не замолчит
И в темени кромешной.

Кто плачет —
Тот тебя
Заставит слезы лить.
А обожженный — жжет,
И опаляет душу.
Так каменную твердь
Сумел цветок пробить.
Так зреют семена,
Чтоб вырваться наружу.

Душе, вобравшей боль,
Как туче грозовой.

Раскалывая мглу,
Грозою разразиться!

Жемчужины стихов
Рождаются порой
И в мрачной тишине,
В угрюмых снах темницы.

III

В плену не потерял
Достоинство и честь
Джалиль... В душе его
Не гасло вдохновенье.
...Томились, как рабы,
Певцы свободы здесь,
Где Маркс клеймил господ,
Где пел великий Гейне.

И смертный приговор
Уже Джалиля ждет.
Надвинулась беда
Неумолимо — грозно.
Но не казнить его,
Казнившего беду.
Ушедшего в века.
Уж он бессмертен,
Поздно!
И прежде пел поэт

В безоблачные дни
Труда и тишины,
Но только вызов смерти
Вместил в его перо
Всю песенную мощь,
Всю ненависть к врагу,
И весь талант,
Поверьте!

Так в завтрашние дни
Заглядывал поэт,
И прозревал зарю
Безоблачных столетий.
Скупых мгновений жизнь
Годам он приравнял
Пронзительной строкой
И песней недопетой.

В снарядах, в свисте пуль
Он слышал гул побед.
Не дрогнул в смертный час,
В последний час поэт.

Ему сулили жизнь
В довольстве и тепле.
А он ответил:
— Нет!
Я смерть приму
без страха...

— Подумай.. Не спеши..
— Полученная в дар
Свобода — кабала!
Бесчестие?

Нет, плаха!

Двенадцать было их,
Казненных в тот же день,
Двенадцать сыновей
И воинов Отчизны.
Как были сплочены,
Когда нависла тень
Погибели — беды
В темнице ненавистой.

На смерть они пошли
Плечом к плечу в тот час.
Их побратала боль,
Их смерть сама сплотила.

Порой разобщены
Мы мелкою тщетой..
Но общность жертв и бед —
Вот высшее мерило...

IV

Весь долгий черный год
Писал стихи Муса.
О будущем мечтал,
О мире на планете...

Ворчал тюремный страж,
Уставясь на глазок:
«О чем он говорит
С собой
В минуты эти?»

А узник — все писал
Под ритм шагов глухой.
А узник все писал,
И песни свои прятал.
Сегодня, может быть,
Читает те стихи
Ушедший на покой
Тюремный надзиратель.
И в прошлое
Его
Уводят ритмы строк,
Что кровью начертал
Поэт
В сырой темнице,
Наверное, ему
И ныне невдомек,
Что на его глазах
Писались те страницы.

Он бдительно следил
За узником своим,
Которого держал
Под дулом автомата.

Он плоть усторожил,
Души не углядел..
Ни мысли, ни мечте
Оковы — не преграда!

«Спаслись бы лишь стихи!» —
Муса молил судьбу.
Не думал о себе,
Не думал о побеге.

Умрут стихи —
И я
Уйду в небытие.
Коль выживут стихи —
Я не умру вовеки!

Летите же стихи,
Коней своих гоните!
Свяжите крылья туч,
Парите на ветру!
Возлюбленный мой край
С приветом посетите.
Мой дух
Взовьется в них,
И сам я
Не умру!
Летите, песни, в даль,
И радуйте Отчизну,
Пусть не глумится враг

Над немотой моей.
И обратившись в прах
Живу я вашей жизнью.
Моя душа и стих
Нерасторжимы с ней».

И песни обошли
Далекие края.
Их звездный караван
Вернулся в отчий край.

Как яростный рассвет
Горит душа моя.

Джалиль —
Поэт,
Солдат,
Сражайся и дерзай!

Он пал...
Он не сказал
Земле родной: «Прощай»
И подвигом своим
Он опроверг судьбу.
Он — пал,
Чтобы звездой
Вечерней расцвести,
Стать небом,
Стать луной
И продолжать борьбу!

СМЕХ МЛАДЕНЦА

Во сне младенец рассмеялся,
Кто скажет — отчего?
Как чаша света, расплескался
Чистейший смех его.

Не знает он своей причины,
Тишайший этот смех.
Как светлый луч, упал с вершины
И засиял во всех.

Чему, чему он засмеялся —
Земле иль небесам?
Мудрец ответить попытался,
И рассмеялся сам.

ВРЕМЯ

Как мечталось под сказочным небом.
В золотые, как сказка, года!
Как счастливо мне верилось в небыль,
Представавшую былью тогда.

Были детские мысли богаты,
Улетая с земли в облака...
Посмотрите: я мальчик крылатый —
С ноготок, а мечта — велика.

Наши сказки остались за дверью,
А пути расколдованы впрок.
В небылицы уже я не верю.
Я высок, а мечта с ногтей.

Золотое забыто наследство.
Никогда не вернуться в тот сад,
Где волшебное яблоко детства
Молодящий струит аромат.

Не вернуть тех видений прекрасных...
Перед старостью ныне стою,
Вспоминая, как счастье и праздник,
Всемогущую сказку мою...

Где-то в космосе медлят минуты...
Сын Земли, я останусь на ней.
Дайте детскую веру мне, люди,
И я взмою, как в сказочном чуде
Над потоком стремительных дней.

ВСТРЕЧА

Сын в городе, а мать его в селе,
Живут в разлуке на одной земле.

Перед экраном мать сидит одна,
Глядит на сына, гордостью полна.

Читает сын стихи: — Родная мать,
Не жаль мне жизни за тебя отдать...

Друг против друга — сыну недомек,
Что шепчет мать: — Осунулся сынок...

О С Т О Р О Ж Н О С Т Ъ

Опасаясь слова «осторожность»,
Это друг, который предает.
Осторожность — та же невозможность,
Это слово мимо цели бьет.

Озираясь, вовсе не пиши,
Ибо слово будет без души.
А пиши, как сердце повелит.
С храбрым словом робость устоит.

Голос правды, истины, искусства
Окрыляет даже сердце труса.

Тот, кто реку дум забил камнями,
Выгребают только шум стихами.

Кто шагает, расставляя ноги,
Все равно споткнется на дороге.

Или достигает цели правый,
Или погибает он со славой.

Осторожность — человек в футляре.
Смелость — это жизнь и смерть в ударе.

Осторожность — это запятая,
А не точка, сутью налитая.

Осторожность — ответ, а не свет,
Это страх, далекий от побед.

Осторожность в рабстве прозябает,
Но раба — героя не рождает.

Храбрость — это трудное движение,
Осторожность — легкое скольжение.

Жизнь не в жизнь, когда живешь с оглядкой,
Застреваешь на дороге гладкой.

Не вредила сроду мне отвага, —
Я страшусь не храбрости, а страха.

КТО-ТО БЫЛ, А КТО-ТО НЕТ...*

Поэту Р. Баширли.

Кто-то был, а кто-то нет
Много зим и много лет.

Жил да был богач бездетный,
Раздавал богатство, бедный.
Все он мог и все умел,
Только сына не имел.
Было небо у него,
Да крыла ни одного.

Где-то тьма, а где-то свет,
Кто-то был, а кто-то нет.
У кого-то дети есть,
Да в кармане дыр не счесть.
Сбоку дождь, а сверху снег.
Крылья есть, а неба нет.

Был бы молодец здоров,
Есть что есть, да нет зубов.
Есть праща, да камня нет.
Так устроен белый свет.
Никогда мы не видали,
Чтобы два конца совпали.

* Традиционный зачин азербайджанских народных сказок.

Кто-то был, а кто-то нет.
Кто вопрос, а кто ответ.
Некий хан ходил за нищим,
Чтоб купить его рубище.
И не то еще бывает,
И пустое — прибывает.

Кинешь камень в небосвод —
Утка наземь упадет.
Это быль, как говорится.
Просто сказка-небылица.
Кто-то верит, кто-то нет,
Видно, так устроен свет.

БЕСЕДА С САМИМ СОБОЮ

Я жив еще, но как могила нем,
Моей души не исцелить ничем.
Горячая разлука и тоска.
Мне не сулят ни одного глотка.

Давно я сдался в плен мирских невзгод.
Любовь моя, таков ли твой исход?
Любовь косым лучом уходит в тень...
Где в этом мире незакатный день?

Я — мельница, лишенная воды,
Травую заросли ко мне следы.
Ни жернова, ни гости не шумят.
Я помню все, и ничему не рад.

Свою глухую ноющую боль
Я срезал, как любимую мозоль.
Но рана обнаженная больней.
Кто скажет, что теперь мне делать с ней?

Как молодость, я был неотразим,
И не считал ни лет своих, ни зим.
Но, протрезвев под серебром седины,
Все эти годы отдал за один.

Бог знает, что я, кто я — на земле!
То друг, то враг мерещится во мгле.
Смычок печали трогает меня,
И горько плачу я на склоне дня.

Развеял тучу, но стоит туман
И ест глаза, как дым от старых ран.
Зазеленев от боли, как трава,
Я полем стал перед тобой, гора!

Я слушал мысли тайные свои
Сквозь гул и плеск и шорохи в крови.
И долго говорил с самим собой,
Как будто с оборотной стороной.

КАТАФАЛК

Это в западном было Берлине,
Или западней... В белой машине
Гроб везли, а за ним ни души.
— Что за странный обычай?

— Так нужно! —

Мне ответил сосед равнодушно.

— Да кому это нужно, скажи!
Неужели для горя и слез
Ни родных, ни друзей не нашлось,
И нельзя проводить человека,
Как положено миру от века?
— Был обычай, — сосед пояснил, —
Но его наш закон упразднил,
Потому, что, по общему мнению,
Он мешал городскому движению...

— Не хочу я таких похорон.
Где же люди? Что значит закон,
Если он попирает святыни!
Человека увозят в машине,
Как предмет, как простое тряпье.
Человек! Где же сердце твое?
Кто оплатит тебя, кто придет
Провожать до последних ворот?
О каком ты толкуешь движенье,
Если наши земные пути

Все уходят в одном направлении,
Все у господ бога в горсти?..
Совесь... совесь увозят в авто,
Но об этом не знает никто!

1972, Западный Берлин.

ЗАХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ

Волосы твои «помолодели».
Изменился, видно, белый свет,
Если моментально, в самом деле,
Седина твоя сошла на нет.

Почернил ты старость. Ну так что же!
Навсегда не спрятать меч в ножны.
Но, твои причуды не дороже
Мудрого сиянья седины.

После солнца что ты рассуждаешь
О его развеянном тепле!
Иль, сойдя с коня, воображаешь,
Что сидишь по-прежнему в седле?

Старческий твой пыл напоминает
Озеро, чей лебедь улетел.
И смешон, когда мечом махает
Тот, кто поражение потерпел.

Сам себе ты голову морочишь.
Все твои усилия пусты.
Хочешь ты того или не хочешь,
Но хозяин время, а не ты.

ПРОДАЖА

(Лондон, рынок Портобелло)

Старый Лондон... Суматоха рынка...
Все здесь есть. Всему своя цена...
Даже предлагаются открыто
Гитлеровских армий ордена.

Позабывши о поре кровавой,
Боль свою открыто предают...
То, что было для фашистов славой,
За полфунта ловко продают.

Вот и крест серебряный... Не он ли
Вожделеньем был для «высших рас»?
Он, о чем мечтали миллионы,
Ищет покупателя сейчас.

На мундире старом или новом
Он когда-то доблестно блистал,
А теперь товаром полфунтовым
На толкучке Портобелло стал.

Маленький, блестящий этот крестик
На весь мир бросал когда-то тень,
А теперь он в лондонском предместье
Любопытства праздного мишень.

Впрочем, если разобраться толком,
Не такой тут праздный интерес,
Если не залеживаться долго
На прилавке может этот крест.

Почему он нужным оказался,
Популярным, лондонцы, у вас,
Этот крест, которым награждался
Вас бомбивший гитлеровский ас?!

Не зазря он кем-то был получен,
Посмотри, британец, на него,
И на нем — ты погляди получше —
Кровь отца увидишь своего.

Так за тем ли, — в этом все и дело, —
Кровь свою отец твой проливал,
Чтоб теперь
На рынке Портобелло
За нее
Полфунта ты отдал?!

Ты говоришь: «Уж больно горд собою...»
Но в этом я совсем не виноват.
Не очень я доволен был судьбою,
И сам себе порою был не рад...
Я гордым стал
В тот незабвенный миг,
Когда — «люблю» —
Прочел в глазах твоих.

К себе любовью
Я тебе обязан, —
Отмечен я
Тобою меж людьми.
И тем горжусь,
Что я с тобою связан
Непостижимой тайною любви!

ДЕД, ОТЕЦ И Я

Мое космическое путешествие на корабле
«Аполлон-8» еще раз убедило меня, в том,
что мы все живем на очень маленькой
планете.

Ф. Борман

Мой дед лишь однажды в жизни своей
Проехал в Агдаш из Шеки,
И ему показались просторы полей
Необъятны и широки.

— И это все владенья царя? —
У возницы спрашивал он.
Если подумать,
Совсем не зря
Дед мой был удивлен.

Всю жизнь в Шеки всходила заря,
Заря угасала там же.
И вдруг
Увеличивается земля
До самого... Агдаша!
Ровно восемьдесят километров!
Шутка ль, — по склонам гор!
Стала для деда
Дорога эта
Мерой длины с тех пор.

Отец меня на руки брал, мальчика,
Подбрасывал до потолка
И спрашивал:
— Любишь ли ты отца?
Как любовь твоя
Велика?
— Любовь моя велика,
Как земля! —
Кричал восторженно я.
— Молодец! —
Говорил мне отец, смеясь. —
Необъятна, сынок, земля!

Ведь мерой огромности
У отца
Был мир земной,
Не имевший конца...
Боюсь,
Заблудится разум мой
В пространстве, открывшемся мне,
Где руку
Наш маленький шар земной
Уже протянул к Луне.

ОТНОШЕНИЕ К ВОЗРАСТУ

Юною беспечною порой
Мне казалось: сорок — это старость.
Сорок мне. Но сколько, боже мой,
Детского в душе моей осталось!

Не вчера ли плечи саднил мне
Ранец, детством пахнувший и школой,
Не вчера ль скакал я на коне —
На тростинке мчался камышовый?
Тот же я — от головы до пят.
Как мне быть?
Не чувствую я годы!
Как тогда, мечты мои кипят,
То в долины мчат они, то в горы.

Я себя на детскости ловлю,
На свои желанья улыбаюсь...
Словно сном я
Безмятежным сплю —
Годы мчат, но я не просыпаюсь!
С детворой я вовсе не шучу —
Лишь увижу, как они резвятся,
Взявшись с ними за руки,
Хочу
С их ватагой шумною сравняться.
Чтоб ничто
Побегать, пошуметь,
В прятки поиграть мне не мешало —
Так бы мне запрягаться суметь,
Чтоб на след мой
Старость не напала.

Только годы — что уж там скрывать —
О себе напоминают явно,
Если стал в дороге устать,
Ни при чем тут рытвины и ямы.

Но когда я в розовом дыму
Солнце лучезарное встречаю,
Молод я,
И сыну своему
Я себя ровесником считаю.

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

Молчанье во мне?
Или крик безголосый?
Кто может услышать? —
Лишь я!
Вопросы — призывы, порывы — вопросы.
Безмолвный ответ бытия.
Весь мир как вопрос.
Все тревожнее в мире!
Звонит по ночам телефон.
О, как записать мне
В уснувшей квартире
Молчанье на магнитофон?

— Бездна, в которую завтра я кану.
Будет, — сказал ты, — сродни океану.
— Что ты? Ну разве покинешь ты сушу?
Страх превратит в океан твою лужу.

ПЛАНЕТА

На корабле с названием «Планета»
Мы странствуем:
И ты, и я, и он.
Один на всех —
Луч золотистый света,
Беда одна —
Стихия грозных волн.

На корабле с названием «Планета»
Мы радость и печали познаем.
Наперсник будь
И солнечного света,
Плывет, плывет
Наш странствующий дом!

Все злее ветер,
На крыло упруго
Ложится чайка на исходе дня.
...Смешно, когда под вечер
Друг на друга
Злословят пассажиры
Корабля.

МЕЛОДИЯ — СЛОВО

Ужель мечта в разладе с настоящим,
С обычной повседневностью своей?
Но не было бы крыльев восходящих,
Когда б мечту отняли у людей.

Я сам живу,
Как в некоем сновиденье:
Сливаются с реальностью земной
Мои мечты...
Где сны,
Где пробуждение?
Мечта ли,
Явь ли
Этому виной?

Но меркнут сны,
Туманятся, бледнеют...
Начало яви — окончанье сна.
Чего я жду от жизни?
Что за нею?
Какая будет музыка слышна?

Бойшься ты,
Что оборвется песня!
Не бойся,
Песня новая воскреснет.

Не забывай, мой друг, что в песне этой
Мелодия — твоя,

Слова — мои,
Что угли нашей песни недопетой
Прожгут зола
Холодные слои.

Твои напрасны, друг мой, опасенья,
У жизни нет начала,
Нет конца.
Он вечен, обновленья хор весенний,
Как вечна жажда песни
У певца.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Ты взглянула —
В зимний день
Сад очнулся, иней тает
И от розы соловей,
Как весной, не улетает.

Ты взглянула, и запел
Озаренный взором сумрак.
Легкой тенью на снегу
Разлился весенний сурик.

Не от взгляда ль твоего
Сердце вновь воспламенилось?
Снова мир похорошел,
И ветвям листва приснилась.

Не от взгляда ль твоего
Вся земля оделась цветом?
Тайна взгляда одного
Овладела целым светом.

На огне твоём сгорю,
Стану пеплом,
Стану тленом...
Сколько силы, говорю,
В этом пламени несмелом.

В какой-то миг
 во мне сменяет грусть
Мою веселость...
 Отчего? Не знаю.
В душе своей порой не разберусь,
Нет, о себе
 я ничего не знаю.
Вот только что
 душа была темна,
И снова в ней — рассветно.
 В чем причина?
То вдруг мечта,
 как факел взметена,
То вдруг погасла.
 Пусто. Мертвечина.

Нелепая раздвоенность моя!..
Мне странно,
Я досажую украдкой.
Как самого себя
 узнаю я, —
Когда и жизнь моя —
 сама загадка!..

ЕСЛИ ЛЮБИШЬ...

Как за солнцем — подсолнухи,
Мысли мои — за тобой.
Лишь теперь понимаю,
 что значит награда.
Мне другого источника света не надо,
Ты — светильник единственный мой.

Мне с тобой и светло, и легко,
Мир приемлю глазами твоими,
Приближая все то,
 что пока далеко
И пока еще не обрело
 твое имя.
Только время! Меня самого уже нет,
Я в тебе,
 словно свет в январе, растворен.
Возникает в слиянии наших имен
Осязаемый свет.

Я, все чаще теряя,
 себя нахожу,
Восполняю в тебе. Как родник!
Мы, от грешных оков отрешаясь,
 между

Стерли в жизни
 одной на двоих.
Чем себя безоглядней другим отдаем.
Улетая навстречу векам,
Тем, наверное, ближе
 в истоке своем
К синим звездам, вечным снегам.

В ПРИРОДЕ ВСЕ ОБДУМАНО...

Летит листва...
На ветках кое-где
Еще желтеет бронза, как медали.
И ветренно. И звезды в высоте
Студеней и отчетливее стали.

Летит листва...
Так что ж? Пора уже,
В природе все обдумано, как надо.
Но почему душа настороже?
И тишина... И серый остов сада...

И я теперь,
 уже вне суеты,
Зову друзей разрозненную стаю.
Ровесники,
 сады обнажены,
Листва уже кружится золотая...

Моя наука — тишина,
А мысль — мое перо.
Я окунаюсь в тишину,
 как в глубину,
Зло постигаю и добро
У тишины в плену.

Что наше знание без глубин?
Ему грошевая цена.
А для меня
 твой миг один —
Всей жизни равен, тишина.

ГРАНЬ ПАМЯТИ

Рассветный лучик —
 на краю стола...
Молчанье.
Снова вслушиваюсь в память,

В безмолвном мире
 света и теней

Плыву я,
 берегов не достигая.

Грань памяти — как тайна.
 Что — за ней?

Но тают силуэты лиц и дней,
Как волны убегая...
 убегая...

Мне говорят: «Пусть» длятся дни твои!»
Но мы уходим — поздно или рано.
А сердце, неспособное к любви,
Пусть раньше срока биться перестанет.

Гул моторов,
железа скрежет...
Оркестровка у века — своя!
В переполненном зале
Все реже и реже —
Шепот листьев,
реплики соловья...

У юности руки длинные,
Но короткий язык.
У старости — длинный
язык,
Но руки коротки.
В юности по ночам
Свой бег ускоряют часы.
В старости день — это миг,
А бессонные ночи долги...

Была б короткой жизнь,
Как ветка,
Без песни, льющейся
окирест.

Была бы тесной жизнь,
Как клетка,
Без неизбежности чудес,
Когда над волнами
событий
Мы плещем крыльями
открытий!

Когда ты с мыслями своими
Наедине,
Ты одинок, мой друг,
конечно.
Но не вполне!
Нет, одиноким ты не
вправе
Считать себя,
Беду чужую в сердце
плавя,
Любя, скорбя...
А тот, кто занят лишь
подсчетом
Своих сединок,
Тот — пусть и окружен
почетом —
Совсем один!

ПРИТЯЖЕНИЕ

То, что было , уходит,
И стоит ли думать о том,
Что ушло в небытие,
Что растаяло, сгинуло,
стерлось!

Но ведь было,
Ведь мучило, жгло меня
Имя ее,
Имя прежней любви,
Запрудившее нежностью
горло!

Мы расстались, любовь,
Мы уйдем в небытие,
Ты и я...
Но не ты ли,
Не ты ли вновь вызволишь
Из небытья?

КОГДА ГАСНЕТ ЭКРАН

«Сегодняшние передачи окончены.
Прослушайте программу
на завтра...»
Постой, помедли в голубом
окошечке.

Прошу,
не исчезай так внезапно!
Побудь со мною, гостья желанная.
Считай, что ты пришла
мне на помощь.
Я не хочу, чтоб око экранное
Пустым бельмом таращилось
в полночь.
Куда спешить?
Ты, видно, торопишься
День завтрашний,
как платье, примерить,
А нынешний — упрятать
в коробочку,
Не пожалев об этой потере.
А для меня прощанье —
болезненно,
В мечтах о будущем
я не витаю.
Размеренно взбираюсь
по лестнице
И каждую ступеньку считаю...
На сон ли тратить время летучее?
С годами сутки — вдвое короче.
Побудь со мной!
По этому случаю
Займем
хотя бы час
мы у ночи.

Дороже сна мне стала
 бессонница.
Я, жизнь свою ценить
 не умевший,
Не понимал, что просто
 бессовестно —
День отпевать еще не умерший.
Экран погаснет —
 и одиночество
Подступит снова холодом
 к сердцу.
Еще не поздно,
 спать мне не хочется,
Хочу я у экрана погреться.
Пусть голубеет око экранное,
И пусть, в печаль мою не вникая,
Со мной побудет гостя
 желанная —
Душа — хотя б какая — живая...

Прервал мои слова ты?
Ну и что ж?
В собрании
 или кругу застольном
Речь общая — входи!

Но не тревожь,
Когда молчу.
Я сам с собой.
И только.

Остановилось сердце.
Жизнь угасла,
Блеснув последней каплей
 на щеке...
Но все еще работали,
С запасом,
Часы
 на холодеющей руке.

ЭХО

Если поднимешься ты
На вершину высокой горы —
Эхо на голос твой отзовется.
Если опустишься ты
В пропасть, в тартарары,
Эхо на голос твой отзовется.
Оно — в поднебесном льду
И в подземном аду, —
Что же эхом зовется?

Чем младше дети — тем на них щедрей
Льет материнство животворный свет.
Вернется ль он?
И через сколько лет?
Ребенок — не ломбард, чтоб заложить
В нем душу, а потом безбедно жить.
Растет ребенок рядом под крылом,
Но день придет, и он покинет дом,
Чтоб отыскать себе среди чужих
Ту, что роднее станет всех родных...
Ах, дети, дети!

Не они для нас,
А мы для них!
Не золотой запас
Они, — а завязь на ветвях любви,
Питай их соком сердца — и живи!
Тот сок они, конечно, не вернут,
Когда листом зеленым развернут
Свою судьбу...

Но в новых семенах
Взойдет любовь, превозмогая прах!
Когда ж любовь долгам открыла счет,
То кто ее любовью назовет?..
...Сын справляет день рождения своего,
Собрались к нему друзья на торжество.
Раздаются тостов звонкие слова,
В них на счастье утверждаются права.
Мать за дверью притаилась, словно тень,

Не без гордости словам внимая тем:
«Всем известны твоя смелость и твой ум,
Справедлив ты, мы свидетели тому!»
Почему же у порога мнется мать,
Почему б и ей свидетелем не стать
Шумной радости?

Хотела б, да нельзя.
Днем невестка, глядя прямой ей в глаза,
Намекнула: «Молодые к нам придут,
Понимаешь стариков не будет тут».
Понимаю, дочка, как же не понять —
К дню рожденья сына непричастна мать...
Снова слышен звонкий голос молодой:
«А сейчас, друзья, я пью здоровье той,
Кто народу подарила храбреца!»
Слышит мать, не утирая слез с лица.
Это что же, за нее подняли тост?
Ту, которая за дверью горечь слез
Пьет по капле, словно горькое вино?
Что ж, сыночек, будь счастливым все равно!
«...А теперь пускай виновник торжества
«Песню «Мать» исполнит! Помнишь ли слова?
В честь такого тоста подпоем мы все!»
Сын направился к стене, где тар висел,
Снял его любовно и прижал к груди...
Струны дрогнули...
Ну, что же ты, войди!
Покажись им! Это песня о тебе,
О твоей, достойной лучшего, судьбе,

О тебе поют и плачут струны те —
О бессонной материнской маете...
Ну, а ты, невестка, что ты прячешь взгляд?
Или песня зазвучала невпопад?
Почему вдруг у тебя печальный вид?
Не забыла, кто за дверью там стоит?
Или вспомнила о матери родной? —
Почему же причиняешь боль другой?
Ты задумайся:
Ведь скоро ты сама
Станешь матерью,
И хватит ли ума
У твоей невестки будущей понять,
Что свекровь — она для мужа просто мать?..
Песня кончилась.
И отзвенела грусть..
С плеч невестки будто спал незримый груз, —
Улыбнулась и плечами повела,
За собою мужа в танец повела.
Мать пошла на кухню приготовить чай,
Утирая шалью слезы и шепча:
«Ничего, сыночек, я перетерплю,
Разве я любовь во зло употребляю?
Видно, в самом деле подошла пора
Мне, старухе, убираться со двора.
Лишь бы ты забот не знал, а я-то что...
Сгину с глаз — и не проведает никто.
Завтра ж в Дом для престарелых перейду —
Видно, это речено мне на роду».

Так решила мать с обиды,
не со зла,
В чемоданчик старый, вещи собрала
И ушла из дома, лишь рассвет настал.
Ну, а сын?
А сын задерживать не стал...

ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

ДОМ ДЛЯ ПРЕСТАРЕЛЫХ

По двое, по трое сидят старики
В коридорах Дома для престарелых,
На лицах у них не осталось пробела
Для самой последней морщины — строки.
Сплошь — справа налево, и наискосок —
Исписаны временем, долгим и трудным.
О чем они думают — молча, подспудно —
Попробуй, пойми, из запутанных строк!
Путь пройден до края, не стало забот,
Одна лишь осталась — сидеть, вспоминая
Всю жизнь от начала до этого края,
И дать ей оценку, и выставить счет.
Кто выиграл в жизни, а кто проиграл?
Сейчас уже меркой другою измеришь.
И главное — что ничего не изменишь,
Счастливый иль горький — финал есть финал.
Что щедрой рукою природа дала,

То время у нас отбирает нещадно,
И то, что иной нахватал себе жадно,
Рассыплется в прах, и истлеет дотла.
Не сердца порывы — одна только мысль
Теперь их телами остывшими движет.
Ложатся, встают... — будто ветер колышет
Сухой, шелестящий тихонько камыш...
А ночью им снова решить предстоит
Сегодня же, не полагаясь на завтра,
Какие обиды поставить на карту
Бессонницы, что в изголовье стоит..

...Здесь полубольничный бывает порядок.
У каждого в комнате — свой уголок.
Кровати, заправленные опрятно,
И тумбочки — полный аптечный ларек.
На столиках — книги, журналы, газеты,
И в вазах — привянувшие букеты.
Вторая неделя пошла, как он здесь, —
Уста Алекпер, — а привыкнуть не может.
Стоит у окна, и тоска его гложет,
Хоть кто бы принес хоть какую-то весть
Из дому!
Неужто совсем позабыли?
Ведь я им — отец, не пойду на поклон.
Три сына... Семья... Виноградный балкон...
Теперь уж не скажешь, что есть они, —
Были...
Не выдержала как-то

И номер набрал
Знакомый...
Алло! Вам кого?
Он смешался.
Он имя свое назвать не решался,
Во рту пересохло...
— Бездельник! Нахал!
Ну, долго ты будешь молчать? —
Этот звонкий
Задиристый голос узнал он тотчас —
Внучок... Алекпер...
Свое имя припас
Ему он еще до рожденья ребенка...
Он трубку дрожащей рукой положил.
Ну, что ж, прав мой внук,
Я нахал и бездельник,
Что больше не мог заработать им денег,
Слесарничать трудно уже,
Нет у сил.
Но внук мой еще за меня отомстит
Отцу своему,
Когда тот постареет!
Он старость его теплотой не согреет.
Я дал ему имя,
Но совесть и стыд
В том доме уже не прописаны больше...
— Послушай, уж коли решил ты дымить —
Сосед тут окликнул его, —

так изволь же

Окно приоткрыть.
Хватит душу томить
Раздумьями,

лучше уж в нарды сыграем!

— Не хочется что-то, — ответил уста. —

А что до окна —

То погода такая,

Что, стоя здесь, я весь продрог неспроста.

Сосед усмехнулся.

— Нет, братец, не то...

Взгляни-ка на градусник — двадцать четыре.

Нет, холод — он только внутри...

Ну, а в мире —

Поверим-ка Цельсию — в мире тепло.

А куришь ты слишком уж много...

Пора бы

Всерьез о здоровье подумать своим...

Неужто не можешь без этой отравы?

— А что мне желать? Для чего мы живем?

Днем раньше, днем позже... конец одинаков!

Мы в этом саду, как трухлявые пни,

Уж больше не зазеленеют они,

И тут не поможет ни лекарь, ни знахарь...

— Выходит, ложись, да и помирай?

Нет, братец, уж тут ты хватил через край!

Нет, мне пусть он будет не очень-то сладок,

Но дорог и жизни последний остаток!

Да что говорить, — я б и твой прихватил!

Уста поневоле в ответ улыбнулся.

Сосед-то каков! И откуда он сил
Набрался таких?

Разве он не столкнулся

С предательством близких людей?

Или он

Совсем одинок — ни детей и ни внуков?

И тут он подумал, что, может быть, другом

Судьбою на старости лет награжден...

Друг прежний давно уж...

Еще на войне...

Уста отошел от окна

И к соседу

Поближе подсел, чтоб продолжить беседу,

И вдруг он заметил — висит на стене —

У зеркала — фотография чья-то,

Какого-то парня с насмешливым взглядом,

В пастушьей папаше, нарядной чохе,

Здравшего ноги в высоком прыжке.

— Кто это? — спросил.

— А ты разве не знаешь?

Отличный танцор. И известный притом.

Ну, что узнаешь?

— Нет, он мне незнаком...

— Надень-ка очки!

— Ты меня обижаешь,

Я вижу прекрасно.

К тому же, юнца

Любого

я помнить совсем не обязан...

Улыбка сошла у соседа с лица:

— Вот как?.. Значит, стал я совсем безобразен,
Раз ты не узнал меня...

Это ведь я!

Смутился уста:

— Да, улыбка — твоя...

— А знаешь, дружище, ведь я специально

У зеркала этот портрет прикрепил...

Когда у меня истощение сил,

На образ гляжу — так сказать, идеальный,

И мне помогает забыть идеал

Того, кто меня в зеркале напугал.

А я ведь и вправду танцор был известный,

Я только мигни — и любая невеста

Со мною сбежала б в чужие края...

Уста повторил:

— Да, улыбка твоя!..

А вот, погляди-ка — И снимок семейный

Достал из кармана уста. — Погляди:

Вот сын мой. А эта вот — с видом елейным —

Невеста. Вот — дочь. И внучок впереди.

Но, быстро скользнув глазами по снимку,

Сказал без ответной улыбки сосед:

— Да видно, дружны, если снялись в обнимку...

Да только тебя вот на снимке том нет...

Ночь...

Звезды в окне...

И еще — сигарета...

Улегся сосед, но ему не до сна —

Постель только телом его и согрета,

А значит — как ты ни вертись — холодна...

— Дружище, а ты не обиделся часом?

Не надó.

За горькую правду прости.

Ты знаешь, я тоже обвыкся не сразу...

Потом станет легче...

Ложись лучше, спи.

Ни слова в ответ.

Только кашель сухой,

Слегка приглушенный дрожащей рукой.

Долго ищут ученые разных стран

На земле нашей древней — не клад,

А разгадку — с чего вдруг Азербайджан.

Долгожителями богат?

Тут, мол, климат причиной...

Целебный состав

Родниковой воды...

То да се...

Может, каждый из них по-своему прав,

У меня же — мнение свое.

Я его изложу.

Но сначала вопрос

Мне хотелось бы предложить:

Разве это не странно — дивиться всерьез,

Что способны мы долго жить?

Мы смиряемся с горечью ранних утрат,

С ранней проседью на висках,

Мы глядим, как на редкостный экспонат,
На глубокого старика.
На свидетеля доэлектронных времен
Мы с усмешкой всезнайки глядим —
Мол, замшелым он опытом обременен,
Что он может дать молодым?
Что он может нам дать?
То, что корни дают,
То, что дал Кер-оглу Ченлибель.
Потому что наш край — не убогий приют
Долгожителей —
Их колыбель!
Да, их щедро поила родная земля
Родниковой целебной водой,
Не скупилось и море, по-братски деля
С рыбаком свой запас золотой.
Но не в этом причина того, что до ста
Дотянуть — далеко не предел.
Долголетия тайна сложна и проста —
В том, каков стариковский удел.
«Воду — младшему, старшему — место...»
Народ
Поговорку не даром изрек.
Вряд ли долгую жизнь тот старик проживет,
Кто ее повторит, как урек...
И ребенок, что матерью брошен своей,
Тот, кто ласки ее не испил,
Вряд ли будет зачислен в ряды тех людей,
Кто столетье переступил.

Как ребенок малый,
 так и старик
Беззащитен на склоне лет...
Кто в такую пору покинет их,
Для того оправдания нет.
Младшим — свет материнства,
А старшим — почет, —
Вот откуда свой счет
Долголетье ведет!..

ДЕТСКИЙ ДОМ

Детский дом и Дом для престарелых...
Стоит лишь дорогу перейти,
Ту, что пролегла скупым пробелом
Меж началом и концом пути,
Снова,
Встав пораньше в воскресенье,
Как бы опасаясь опоздать,
Захватив конфет или печенье,
Ту дорогу переходит мать.
Путь между восходом и закатом,
Между тем, что будет, и былым...
В Детском доме ждут ее ребята,
Мать успела привязаться к ним.
К одному — особенно...
В веснушках
Все лицо, живой и умный взгляд...

Припасла она єму іграшку
Заводную — то-то будет рад!..

В день воскресный в Детском доме —
 праздник,
Для того, кого возьмут домой.
А других он попусту раздражит
Мимолетной шумной суетой.
У детей, что в стороне притихли,
Вдруг во взгляде искорка мелькнет —
Искорка надежды:

уж не их ли
Эта тетя за руку возьмет?
Неужели так всегда и было,
И не сыщешь той уже вовек,
Чтоб тебя единственно любила,
А не группу в двадцать человек?
Напроказишь — сразу же осадят,
Не склонив участливо лица.
Да, ребенка по головке гладят
Чаще только ради лишь отца
Или матери...

И если ласку
Женщине в обязанность вменить,
То легко, надев улыбки маску,
Ласку суррогатом подменить.
Только все старания — впустую,
Нелегко ребенка обмануть,
Лишь один магнит и существует,

**Чтоб его сердечно притянуть.
Любящее сердце!**

Нет на свете
Ничего, что может подменить
Луч твой светлый!..
И вслепую дети
Отличать умеют эту нить
От любой поддельной иль случайной,
И, еще себя не осознав
Личностью, стремятся изначально
К достиженью главного из прав —
Права на любовь!
Нам это право
При рождении мать передает.
Не отыщешь драгоценней сплава,
Чем когда душа к душе прильнет.
Теплота полночного дыханья,
Материнской нежности броня...
Остальное — просто воспитанье.
Распорядок будничного дня.
Дети обделенные!

Кто вправе
Требовать любви потом от них,
Если их в младенчестве оставить
Без отца и матери —
одних?

Свой ребенок — он раним и чуток,
От чужого — голова болит...
Мать, едва накажет за поступок,

Тотчас пожалеет и простит.
Воспитатель — даже справедливый —
Видит пред собой живой объект:
Маленький, напуганный, сопливый,
Озорной, растрепанный, шумливый,
Слишком молчаливый иль болтливый, —
В каждом есть какой-нибудь дефект!
Нужно быть внимательным и строгим,
В этом воспитатели правы,
Но, чтоб справедливые упреки
Лаской были сдобрены... — увы!
Только мать способна на прощенье
Там, где не простит никто другой,
И на первый зов

без размышленья
Встанет сердце матери горой
За сердечко хрупкое...
А если
У ребенка отнят этот щит,
Он и веселясь не будет весел,
И питаясь впрок, не будет сыт.
Но, надеясь, тычась по-слепому
В мире, переполненном людьми,
Он сторицею воздаст любому,
За крупицу искренней любви!
Знали б вы,

что с ними происходит,
Когда в Детский дом —
смотреть невмочь! —

Женщины бездетные заходят,
Чтобы выбрать

сына или дочь!..

Как они спешат принарядиться,
Оживают, глядя в зеркала,
Будто бы какая-то Жар-птица
К ним впорхнула —

счастье принесла!..

Подступают с трепетной надеждой
К женщине —

не мама ли она? —

Прикоснуться к краешку одежды,
Заглянуть в глаза...

Не знает сна,

Кто хотя бы раз увидел это,
Если в нем душа еще жива...
Как сказать о переливах света
В замерших глазах?

Бедны слова!..

...На лице у мальчика

Прыгают веснушки —

Он смеется звонко,

Видно, рад игрушке.

Ну и мать довольна:

— Ах ты мой Джиртан!

¹ Маленький персонаж азербайджанских сказок, мальчик, победивший злого дива.

Тут же он с вопросом:
— Кто такой Джиртан?
— Разве ты не знаешь?
Ну, тогда садись
И послушай сказку...
Только не вертись!
Жил на свете мальчик,
Целый день играл.
Даже темной ночью
Глаз он не смыкал...

— Значит, мамы тоже
Нету у него?
— Ты постой...
Послушай...
В мире ничего
Не боялся он...
— Я тоже не боюсь!
С сдружусь с Джиртаном,
Если он не трус!
Женщина смеется:
— Коль сойдется вы,
Не сносить и злomu
Диву головы!
— Бабушка, а скоро, —
Перебил малыш, —
Ты меня с Джиртаном
В гости пригласишь?
Что ему ответить?

В горле — горький ком...
— Подожди, мой милый,
Как-нибудь потом...

Только б эту горечь
Не пролить из глаз...
— Знаешь, у Адиля
Мама вдруг нашлась!
А моею мамой —
Хочешь? — будешь — ты...
— Ах ты, мой бедовый...
Мало теплоты
В своем старом сердце
Сохранила я,
Но до самой смерти
Вся она — твоя...
Повзрослевшим сыном
Брошенная мать
Тянется чужого
Мальчика обнять.

Что же означает
Встреча двух сердец?
Для него —
Начало,
Для нее —
конец.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Встаньте,
граждане, —
Суд идет!
Из глубин
нашей чести и совести
Суд идет!
Он предъявит счет
Неподсудной
покамест
подлости!
А свидетели — вот они!
Те,
Кто в беспомощности покинуты,
Но Отечеством
подняты,
приняты
В беззащитной своей наготе!
Да,
у нас —
обездоленных нет,
Но и тем,
кто покинут близкими,
Обеспечив
и кров им,
и хлеб,
Мы должны сочувствие высказать!

А сочувствовать —
значит, понять

То,
что нам далеко до хорошего,
Если сына
бросила мать,
Или —
мать
своим сыном
брошена.

А сочувствовать —
значит, судить

Тех, кого на скамью подсудимых
Может совесть одна посадить —
С ликом строгим
и в ранних сединах.
И изречь приговор свой:
живи,
Присужденный
к лишению любви!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово о поэте. Евгений Евтушенко	3
--	---

Переводы Риммы Казаковой

Родине	6
Думы в пути	7
«Мой товарищ-художник творит мой портрет»	13
Дворец и лачуга	15
«Мы поссорились снова...»	16
«Вот здесь, по эту сторону Аракса...»	18
«Всегда, когда я на тебя смотрю...»	18
«Слова «дружба» не произноси...»	19
«Ты говоришь, что в сердце у поэта...»	20
Восход-закат	21
Движение	22
Разговор о хлебе на чужбине	24
«Стоит гора. Такая высота...»	26

Переводы Евгения Евтушенко

Легенда об Улькер	27
Козел-вожак	28
Замок	30

Переводы Михаила Санельникова

Измерение	31
Тоска по весне	33
Крепись, мое сердце	35
Я хочу летать...	36
Рука в руке	37
Утешение	38
Гара-зурна	40
Колыбель	42
«Как водопад в горах...»	45

Переводы Людмилы Щипахиной

Жажда	49
Седина	50
Мастер Али	52
Иск	55
Невестам	58
Каждый день я тебе звоню...	61
Летите, песни мои (п о э м а)	63

Переводы Юрия Кузнецова

Смех младенца	73
Время	73
Встреча	74
Осторожность	75
«Кто-то был, а кто-то нет...»	77
Беседа с самим собой	78
Катафалк	80
Заходящее солнце	81

Переводы Анатолия Передереза

Продажа	82
Ты говоришь: «Уж больно горд собою»	84
Дед, отец и я	84
Отношение к возрасту	86

Переводы Егора Самченко

Внутренний монолог	88
«Воды, в которые завтра я кану...»	88
Планета	89

Переводы Вячеслава Зайцева

Мелодия слова	90
Преображение	91
«В какой-то миг...»	92

«Если любишь»	93
«В природе все обдуманно...»	94
«Моя наука — тишина...»	95
Грань памяти	95

Переводы Мансура Векилова

В свой срок	96
«Гул моторов...»	98
«У юности руки длинны...»	98
«Была б короткой жизнь...»	98
«Когда ты с мыслями своими...»	99
Притяжение	100
Когда гаснет экран	100
«Прервал мои слова ты...»	102
«Остановилось сердце...»	103
Эхо	103
Рифмы	104
Суд совести (из поэмы)	105

Бахтияр Махмуд оглы Вагабзаде
Baħabzadə Bəxtiyar Məhmud oğlu
 РУКАВ РУКЕ

Художник *Н. Бабаев*. Художественный редактор *Н. Рагимов*.
 Технический редактор *Н. Сулейманов*. Корректор *Т. Рустамова*.

ИБ № 959.

Сдано в набор 24. 06. 81. Подписано к печати. 23. 12. 81. Формат
 бумаги 60×90¹/₃₂. Тип. бумага № 1. Печать высокая. Литератур-
 ный шрифт. Усл. п/л. 4,0+7 вклейка. Усл. кр.-отт. 5,10. Изд.
 л. 4,0. Тираж 15 000. Заказ № 1073. Цена 95 коп.

Государственный Комитет Азербайджанской ССР по делам
 Издательств, Полиграфии и книжной торговли.

Издательство «Гянджлик», Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.
 Типография им. 26 бакинских комиссаров, Баку, улица Али
 Байрамова, 3.

ПОСНО-МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ОТДЕЛ

E-1

502038